

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЬ

14 (27) СЕНТЯБРЯ 1921 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЫПУСКЪ

СОДЕРЖАНИЕ:

Передовая	
Свѣтлой памяти Императора Николая II	Б. Арсеньевъ.
Севастополь	Г. Немировичъ Данченко.
Подмѣна понятій	А. Роговичъ.
Мертвая вѣра	Б. Туръ.
Спасайте еврея	Лукъяновъ.
Не съ того конца	В. Востоковъ.
Германія и Монархическая Россія	Т. Локоть.
О вертикальной войнѣ	Кн. Дм. Голицынъ Муравлинъ.
Все для отечества, все для социализма	Лондонецъ.
Открытое письмо	фанъ Зонъ.
Картины съ Дальняго Востока	Е. Семчевская.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЬ“, BERLIN W. 62,
Courbièrest. 16.**

Православный календарь.

Октябрь 1921 г.

(31 день).

- 1/14 Птн. **Покровъ Пресвятыя Богородицы.** Ев. Лук. X, 38—42; XI, 27—28. — Св. Ап. Ананія. Преп. Романа Сладкопѣв. Преп. Саввы Вишерскаго. Преп. муч. Михаила. — Присоединение царства казанскаго 1552 г.
Въ умной бесѣдѣ ума набраться, въ глупой — свой растерять.
- 2/15 Субб. Св. муч. Кипріяна, Іустины. Св. Андрея блажен., преп. кн. Анны Кашинской. — Взятіе Казани Царемъ Іоанномъ IV 1552 г. — Рожд. поэта А. В. Кольцова 1809 г.
Молодецъ на овецъ, а на молодца и самъ овца.
- 3/16 Вскр. **Недѣля 17-ая по Пятидесятницѣ.** Ев. Мѣ. XV, 21—28. — Св. Муч. Діонисія Ареопагита. — Рожд. поэта М. Ю. Лермонтова 1814 г.
Жизнь дана на добрыя дѣла.
- 4/17 Пнд. Св. муч. Іерофея, еп. Аѳонск. Св. Гурія архіеп. Казан. и Варсонофія, еп. твер. † Прест. св. Владиміра Ярославича, кн. Новгород. — Кончина петрика Т. Н. Грановскаго 1855 г.
Не угадаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь.
- 5/18 Втр. Св. муч. Харитины. Святителей Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, митроп. Моск. и всея Россіи чудотворцевъ. Преп. Даміана, Іереміи и Матѳея Печерскихъ. † Преп. Харитины, княжны Литовскія. Преп. Григорія Хайдзойск. (Груз.). — **День тезоименитства Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексія Николаевича.**
Не все то творится, что говорится.
- 6/19 Срд. Св. Ап. Ѳомы. — Побѣда надъ французами подъ Полоцкомъ 1812 г. — Взятіе Карса (ген. К. В. Комаровъ) 1877 г.
Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.
- 7/20 Чтв. Св. муч. Сергія и Вакха. Св. муч. Пелагіи. Преп. Сергія Вологод. и Сергія Печерскаго послуш. † Преп. Мартиніана Бѣлоез. Вступленіе русск. войскъ въ Лейпцигъ 1813 г.
Одна пчела не много меду натаскаетъ.
- 8/21 Птн. Преп. Пелагіи. Св. Таисіи. Преп. Трифона Вят. † Преп. Досифея, игум. Верхнеостр. — Наваринская битва 1828 г.
Старая пословица вѣкъ не сломится.
- 9/22 Субб. Св. Ап. Іакова Алфеева. Преп. Андровика и Жены его Аѳанаси.
Чтобы ни пришло — все молись.
- 10/23 Вскр. **Недѣля 18-ая по Пятидесятницѣ.** Ев. Лук. V, 1—11. — Св. муч. Евлампія и Евлампіи. Преп. Ѳеофила исповѣд. Св. Амфилохія, еп. Владим. — Волинск.
Подумаешь — горе, а раздумаешь — воля Господня.
- 11/24 Пнд. Св. Ап. Филиппа. Преп. Ѳеофана испов. Св. муч. Зинаиды. Преп. Ѳеофана Печерск. Воспом. 7-го вселенск. собора 787 г. — Взятіе Нотенбурга (Кронштадта) 1702 г. Выступл. француз. изъ Москвы и взрывъ Кремля 1812 г.
Отгорѣлся въ Москвѣ, да замерзъ на Березинѣ.
- 12/25 Втр. Св. Муч. Прова. Преп. Космы, еп. Маіум. † Преп. Амфилохія Глушицкаго. Празд. ик. Божіей Матери Іерусалимскія.
Коси коса, пока роса; роса долой и мы домой.

Берлинъ, 14 сентября 1921 года.

Въ прошломъ году на Крестовоздвиженъ намъ „Двуглавый Орелъ“ впервые вышелъ на свѣтъ Божій. Мы, монархисты, знаемъ, что Русскій Народъ ждетъ Царя — и Царь — будетъ на Руси. Но когда это будетъ, быть можетъ лѣтомъ, быть можетъ, пройдутъ года... Одинъ Господь вѣдаетъ, когда до краевъ наполнится чаша страданій Русскаго Народа, въ потокахъ невинной крови искупающаго совершенный имъ смертный грѣхъ клятвопреступленія и революціи“.

Такъ заканчивалась прошлогодняя передовая статья нашего журнала.

Прошло лѣто, прошель годъ. Но чаша страданій несчастнаго народа нашего громадна, какъ громадна сама Россія. Измученнымъ полуослѣпшимъ отъ горя и слезъ глазамъ еще не виденъ конецъ бѣдствій и ужасовъ, тщетно ловить ухо желанный слухъ про Царя — Спасителя.

Царя еще нѣтъ. Царь еще не объявился.

Что имѣемъ — не хранимъ, потерявши — плачемъ. Не хранили мы не берегли, не понимали той великой благодати, что вѣками поила и растила Россію черезъ Богомъ данную власть Царскую.

И вотъ Россія плачетъ горькими слезами и исходитъ кровью. Лютые злодѣи, исчадія ада, какъ духи тьмы кромѣшной носятся до всему лицу нашей Родины милой — матери Россіи и полосуютъ, истязаютъ ее нестерпимыми муками.

Тихо качаются на Севастопольскихъ бульварахъ тысячи тѣлъ повѣшенныхъ защитниковъ Родины, волны Чернаго, когда то Русскаго, моря во всѣ стороны несутъ другія тысячи тѣлъ, злодѣйски утопленныхъ. По всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ съ поздняго вечера до ранняго утра не умолкаютъ стоны, вопли и хрипы умучиваемыхъ, пытаемыхъ и убиваемыхъ въ чрезвычайкахъ лучшихъ Русскихъ людей. Среди бѣлаго дня проносятся по улицамъ грузовики, до верху подъ самую брезентовую крышу набитые тѣлами загубленныхъ христіанъ, и темныя кровавыя лужи на мостовыхъ гонять прочь до смерти запуганныхъ, не смѣющихъ слова сказать обывателей.

Все отнято, все ограблено, все принадлежитъ пролетаріату, а пролетаріатъ принадлежитъ Іудѣ. Въ сотняхъ запечатанныхъ вагоновъ вывозится изъ Россіи награбленное добро, и тайныя и явныя кладовыя іудейскихъ скупщиковъ краденаго ломаются отъ горъ дорогихъ мѣховъ, цѣннѣйшихъ вещей, старинныхъ картинъ и произведеній искусства, золота, серебра и драгоценныхъ камней.

Раззоряется до тла Россія, а красныя международныя пауки какъ пузыри раздулись, полныя человѣческой кровью. Голодь, зараза, моръ вымариваютъ Русскую деревню. Мильоны изстрадавшихся отъ лишеній и насилій людей плетутся по безконечнымъ дорогамъ и устилаютъ землю всоими трупами. Тысячи безумныхъ отъ голода врываются

въ города и вырываютъ у другихъ почти столь же голодныхъ ихъ послѣдній кусокъ хлѣба.

Полчища голодныхъ изъ одной области бьются изъ-за хлѣба смертнымъ боемъ съ полчищами голодныхъ изъ другой области, тѣхъ и другихъ десятками тысячъ истребляютъ пулеметы и пушки заградительныхъ отрядовъ, нарочито для сего набранныхъ „рабоче-крестьянской властью“ изъ отбросовъ Китая, Латвіи, Венгрии и своихъ русскихъ каторжниковъ.

Рабоче-крестьянская власть.

Только самъ отецъ лжи — Сатана могъ придумать такое издѣвательское названіе для своихъ шаекъ душегубовъ и уголовныхъ преступниковъ. Вѣдь теперь, когда всѣ „бары и господа“ либо перебиты, либо бѣжали изъ Россіи, именно надъ крестьянами и рабочими производятъ свои кровавые опыты мрачные тираны Совдепіи іудо-коммунисты.

Въ прошломъ году тиранъ петербургскій, іудо-коммунистъ Апфельбаумъ-Зиновьевъ, прозванный „Кровавый пѣсъ“, такъ отозвался о начинающемся въ Россіи голодѣ: „Развѣ это голодъ. Голодъ тогда будетъ, когда сотни людей за одной крысой гонятся будутъ. Когда матери своихъ дѣтей ѣсть станутъ, — вотъ это будетъ настоящій голодъ. „Въ этомъ году даже „Кровавый пѣсъ“ Апфельбаумъ призналъ, что голодъ точнѣ наступилъ . .

Ужасны, нестерпимы мученія нашего народа-страсто-терпца. И тѣ безумцы, которые ввергли Россію въ пучину революціонныхъ мукъ, тѣ вожди, которые вовлекли уставшій отъ войны народъ въ бунтъ противъ хранившей его отъ всякихъ бѣдъ законной Царской власти, тѣ общественные дѣятели, которые лжеученіями и клеветническими извращеніями сбили народъ съ праваго пути, сдѣлали соучастникомъ своихъ преступныхъ замысловъ и въ четыре съ половиной года довели Россію до страшнѣйшихъ глубинъ паденія, — опомнятся ли они хотя теперь, когда отъ великой Россіи уже тянетъ трупнымъ запахомъ.

„Опомнитесь вы, революціонеры, остановитесь, бросьте, наконецъ ваши ужасные опыты надъ своимъ роднымъ народомъ. Перестаньте мутить и мучить Россію . . “ писали мы годъ назадъ въ упомянутой передовой статьѣ.

Голосъ нашъ не былъ услышанъ, голосъ нашъ вопіялъ въ пустынь, въ той зловѣщей пустынь, которая зовется „россійской прогрессивной общественностью.“

Эти люди неисправимы.

Тотъ же Милюковъ, тотъ же Керенскій, тотъ же Савинковъ, тотъ же В. Маклаковъ верховодятъ, представляютъ, устраиваютъ съѣзды, распредѣляютъ казенныя деньги возглавляютъ Комитеты Спасенія, похваляются стать на смѣну большевикамъ.

Что это: глупость или измѣна.

И глупость, и измѣна: глупость потому, что эти жалкіе люди даже того не понимаютъ, что появились они въ Россіи,

ихъ растерзають на мелкіе клоки, измѣна потому, что тянуть Русскій народъ въ сторону республики, демократіи и социализма послѣ всего того, что республика, демократія и социализмъ натворили съ Россіей, могутъ только явные отпѣтые предатели, холодные злодѣи, для которыхъ сама Россія — лишь звукъ постои.

Это люди конченые.

Но предоставимъ государственнымъ ворами самимъ катиться въ ту яму, которую они рыли для Русскаго Государства.

Сегодня, въ день Воздвиженія Святого Животворящаго Креста Господня такъ хочется хотя на мигъ оторваться отъ ужасовъ, бичующихъ утратившую своего Царя Россію, отъ гнусностей, творимыхъ по Европѣ преступной революціонной демократіей и безбожной іудо-масонской общественностью.

Святой Крестъ Господень. Ему поклонимся, Онъ — наше спасеніе, въ Немъ символъ воздвиженія, возрожденія, воскресенія.

Объединенные подъ Святымъ Крестомъ, русскіе монархисты день Крестовоздвиженія признали своимъ всенароднымъ храмовымъ праздникомъ. Монархисты не воздвигли видимаго храма въ честь Св. Креста, но святой Крестъ воздвигъ монархистовъ на дружное, братское объединеніе.

По вѣрѣ нашей всероссійскій союзъ монархистовъ долженъ превратиться въ могучій потокъ самоотверженной любви къ Родинѣ, гдѣ все мелкое, личное, себялюбивое должно потонуть. И на чистыхъ струяхъ всенародной преданности и страстнаго ожиданія къ стѣнамъ освобожденнаго отъ скверны Кремля Московскаго приплыветъ въ сіяніи и славѣ Царственная Ладья Помазанника Божія, Императора Всероссійскаго.

И такъ, со Святымъ Крестомъ впередъ — за Вѣру, Царя и Отечество.

Свѣтлой памяти Императора Николая II.

Четверть вѣка назадъ, лѣтомъ 1896 г., Императоръ Николай II совершалъ, вмѣстѣ съ Императрицей, первый Свой, послѣ вступленія на Престолъ, объѣздъ европейскихъ столицъ. Поѣздка Ихъ Величествъ была сплошнымъ триумфальнымъ шествіемъ. Повсюду несмѣтныя толпы восторженно встрѣчали Русскую Императорскую Четву. Могущественные Монархи, Президентъ Республики, канцлеры и министры соперничали въ усиліяхъ добиться благоволенія Русскаго Царя, снискать Его довѣріе и дружбу, склонить или удержать Его въ орбитѣ своей политики. Демократическая Европа подобострастно разстилалась передъ Самодержавнымъ Царемъ, передъ мощью вѣрной Ему великой Россіи, которой Онъ былъ символомъ и олицетвореніемъ.

На лъстивыя высокопарныя привѣтствія европейскихъ Правителей Государь отвѣчалъ двумя-тремя короткими вѣжливыми фразами, просто и скромно, какъ Онъ это дѣлалъ всегда въ Своей жизни. — и невозможно было угадать, каковы истинные Его стремленья и планы.

Тогда естественнѣе всего было предполагать — и такъ, дѣйствительно, думали многіе — что молодой Монархъ, унаслѣдовавшій одну изъ величайшихъ въ мірѣ Имперій, цвѣтушую, богатую и обладающую грозною военною силою, мечтаетъ увѣковѣчить Свое Царствованіе громомъ побѣдъ и расширеніемъ предѣловъ Своего государства.

Вскорѣ однако стало яснымъ, что ни Богомъ данная Ему неограниченная власть, ни всеевропейская лесть и преклоненіе не смутили чистаго сердца Государя, что честолюбивыя замыслы Ему чужды, что не о побѣдахъ и не о бранной славѣ мечтаетъ Онъ, а объ избавленіи человѣчества отъ напрасныхъ мукъ и страданій, о Царствѣ Христовомъ на землѣ, о мирѣ всего міра.

Не прошло и трехъ лѣтъ послѣ возвращенія Государя изъ заграничной поѣздки, какъ по Его почину — поразившему міръ и на время смѣшавшему всѣ карты европейской дипломатіи — была созвана Гагская Мирная Конференція, задачей которой, по мысли ея Августѣшаго инициатора, являлось не только смягченіе пріемовъ веденія войны, но и принятіе мѣръ къ постепенному сокращенію вооруженій народовъ во имя достиженія конечной идеальной цѣли — водворенія вѣчнаго мира на землѣ. По волѣ Русскаго Императора самый больной, самый острый и жгучій вопросъ международнаго права, всегда тревожившій и смущавшій лучшіе, благороднѣйшіе умы человѣчества — вопросъ о возможности предотвращенія того ужаса, который именуется войною — былъ впервые въ исторіи вынесенъ изъ тиши кабинетовъ мыслителей и философовъ, изъ пыли ученыхъ фоліантовъ, и поставленъ на обсужденіе международнаго синклита, на которомъ, въ торжественной обстановкѣ, при всесвѣтномъ напряженномъ вниманіи, засѣдали и принимали рѣшенія полномочные представители почти всѣхъ великихъ и малыхъ Державъ міра.

По многочисленнымъ и сложнымъ, связаннымъ съ тогдашнею европейскою политической конъюнктурой, причинамъ, изложеніе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста, Гагская Конференція не оправдала надеждъ, на нее возлагавшихся. Но все же первый реальный политическій шагъ къ достиженію высокаго идеала былъ сдѣланъ и — если только есть справедливость на этой землѣ — великодушный человѣколюбивый порывъ Императора Николая II, такъ мало оцѣненный, въ нашъ жалкій, грубый и подлый вѣкъ, когда нибудъ, въ лучшія, болѣе счастливыя, болѣе просвѣтленныя времена будетъ золотыми буквами записанъ на страницахъ исторіи человѣчества. И на тѣхъ же страницахъ будетъ воздано должное той неуклонной послѣдовательности, съ которой Государь, созвавшій Мирную Конференцію, до

послѣдняго дня Своего царствованія стремился предотвращать войны и оберегать миръ.

Въ рѣшительные историческіе моменты истекшихъ лѣтъ этого столѣтія, когда передъ Россіей вставалъ вопросъ: быть войнѣ или не быть? Государь неизмѣнно отвѣчалъ: да не будетъ! И если тѣмъ не менѣе войны начинались, если русскому народу приходилось испытывать всѣ бѣдствія и страданія, съ ними сопряженные, — то до этого его доводила не Самодержавная Царская власть, а тѣ условія и причины, которыя мѣшали осуществленію воли кротчайшаго и миролюбивѣйшаго изъ Монарховъ.

Какъ началась первая изъ войнъ, омрачившихъ царствованіе Государя Николая Александровича — война японская, та роковая война, несчастный исходъ которой былъ использованъ врагами Царя и Россіи для распространенія въ ней революціоннаго движенія, въ конечномъ итогѣ доведшаго ее до неслыханныхъ страданій и гибели?

На этотъ вопросъ у революціонныхъ клеветниковъ, не останавливающихся для достиженія своихъ цѣлей передъ самымъ безстыднымъ извращеніемъ исторической правды, всегда былъ, есть и теперь готовый отвѣтъ. Для примѣра приведемъ поддержку изъ брошюры Владиміра Короленко („Паденіе царской власти — рѣчь простымъ людямъ о событіяхъ въ Россіи“ стр. 17), гдѣ кратко и ясно суммирована сущность злостныхъ обвиненій, возводимыхъ противъ Царя революціонными лжетолкователями причинъ, вызвавшихъ японскую войну.

„Японская война всѣмъ еще памятна. По почину Николая II было создано международное совѣщаніе въ г. Гаагѣ, гдѣ разные народы принимали постановленія противъ возможныхъ войнъ, но скоро нашъ царь самъ нарушилъ миръ и началъ войну безъ надобности и цѣли. И опять это шло (произошло?) изъ за интересовъ придворныхъ лицъ и знати. Нѣкоторые знатные господа выхлопотали себѣ крупные лѣсные подряды на Ялу“ и т. д.

Какая сплошная, какая нелѣпая ложь! Вѣдь всякому образованному человѣку не могло тогда, какъ не можетъ и теперь не быть яснымъ, что причиной той острой политической ссоры, которая въ 1903 г. возникла между Россіей и Японіей и въ конечномъ итогѣ привела ихъ къ войнѣ, былъ споръ не о какихъ то лѣсныхъ подрядахъ на Ялу (давшихъ японцамъ только одинъ изъ поводовъ къ разрыву), а о гегемоніи на Дальнемъ Востока. Кому будетъ принадлежать за Азіатскомъ побережьи Тихаго Океана первенствующее вліяніе — великой ли Россіи, въ продолженіи трехъ вѣковъ неудержимо разраставшейся въ сторону Дальняго Востока, или маленькой, недавно только выступившей на міровую арену Японіи — вотъ къ чему сводился вопросъ, который, на рубежѣ этого и минувшаго столѣтій, былъ краеугольнымъ камнемъ русско-японскихъ взаимоотношеній.

Для Россіи онъ былъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ со стародавними традиціями ея политики, съ тѣмъ стихійнымъ расширеніемъ ея по направленію къ берегамъ Тихаго Океана, которое, начавшись при Грозномъ Царѣ, продолжалось при Правительницѣ Софѣѣ, при Петрѣ, при Екатеринѣ и при всѣхъ Императорахъ, послѣ нея царствовавшихъ. По силѣ инерціи расширеніе это, несмотря на коренное измѣненіе, происшедшее въ концѣ 19-го столѣтія, въ связи съ быстрымъ ростомъ могущества Японіи, въ соотношеніи силъ на Дальнемъ Востокѣ, продолжалось и въ первые годы царствованія Императора Николая II, въ теченіе которыхъ мы приобрѣли въ арендное пользованіе Портъ Артуръ, подчинили своему вліянію Манчжурію и начали распространять его на Корею. Насталъ однако моментъ, когда сдѣлалось несомнѣннымъ, что дальнѣйшее поступательное движеніе нашей политики въ томъ же направленіи не обойдется намъ даромъ, что Японія, усматривая въ немъ нарушеніе своихъ интересовъ на континентѣ, твердо рѣшила его пріостановить всѣми имѣющимися въ ея распоряженіи средствами до военныхъ дѣйствій включительно.

Это съ совершенною ясностью обнаружилось къ концу русско-японскихъ переговоровъ, начавшихся въ Токио, по инициативѣ Японскаго Правительства, въ Августѣ 1903 г. и оборвавшихся 5 мѣсяцевъ спустя, наканунѣ войны.

Въ этой статьѣ, посвященной выявленію духовнаго облика Императора Николая II, мы не будемъ излагать подробностей хода переговоровъ. Скажемъ только, что сущность первоначальнаго предложенія японцевъ заключалась въ требованіи очищенія нашими войсками, согласно русско-китайскому договору отъ 26. Марта 1902 г., Маньчжурской территоріи внѣ полосы отчужденія Китайской Восточной желѣзной дороги и отказа нашего отъ распространенія русскаго политическаго вліянія на Корею.

Въ началѣ переговоровъ были всѣ основанія для надежды на мирное ихъ завершеніе путемъ ряда взаимныхъ уступокъ, не нарушающихъ ни достоинства, ни существенныхъ интересовъ обѣихъ сторонъ. Однако съ каждымъ днемъ надежда эта уменьшалась. Къ несчастью въ Петербургѣ — какъ въ военныхъ, такъ и въ другихъ вліятельныхъ правительственныхъ кругахъ — преобладало мнѣніе, что японцы „не посмѣютъ“ начать войну съ Россіей, а если и посмѣютъ, то война съ ними будетъ для нашихъ войскъ ничѣмъ инымъ, какъ пріятной и поучительной военной прогулкой, никакой опасности не представляющей. Японіи у насъ не знали, ея мало интересовались и только удивлялись дерзости „макакъ“, позволяющихъ себѣ предъявлять какія-то требованія и даже чѣмъ то грозить. Въ связи съ такимъ господствовавшимъ въ Петербургѣ отношеніемъ къ Японіи Министерство Иностранныхъ Дѣлъ безконечно тянуло переговоры, раздражая японцевъ своей упрямой, мелочной неуступчивостью, высокомернымъ тономъ своихъ телеграммъ и той крайней медлительностью, съ которой оно отвѣчало на японскія пред-

ложенія. Съ другой стороны Военное Вѣдомство не принимало заблаговременно — и это, конечно, было отлично извѣстно японцамъ — необходимыхъ мѣръ для того, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ въ случаѣ серьезныхъ осложнений на Дальнемъ Востокѣ, какъ будто совершенно забывъ, что съ Маньчжуріей Россія соединена одной лишь одноколѣйной желѣзной дорогой и что тамъ у насъ всего только 15—20 тысячъ войскъ, а у Японіи рядомъ — полумилліонная, превосходно вооруженная армія. Одновременно англійская дипломатія, въ союзѣ съ враждебными Царю и Россіи международными силами, дѣлала все отъ нея зависящее для того, чтобы помѣшати мирному исходу переговоровъ и въ что бы то ни стало натравить на насъ Японію.

Напрасно Россійскій Посланникъ въ Токио Баронъ Романъ Романовичъ Розенъ, совершенно не считаясь съ петербургскими настроеніями, со свойственной ему прямою и благородствомъ предупреждалъ о той грозной опасности, которую для Россіи, неподготовленной къ войнѣ на Дальнемъ Востокѣ, представляетъ воинственная, патріотически настроенная Японія, упоенная недавними своими побѣдами надъ Китаемъ и мечтающая о безраздѣльномъ господствѣ на побережьи Тихаго Океана. Напрасно тоже самое доносили по началству находившіеся въ полномъ единомысліи съ Посланникомъ Россійскіе Агенты въ Японіи — Военный Полковникъ В. К. Самойловъ, Морской Капитанъ 1 ранга А. И. Русинъ и финансовый Л. Ф. Давыдовъ. Ко всѣмъ предупрежденіямъ, ко всѣмъ настояніямъ, исходившимъ отъ русскихъ представителей въ Японіи, петербургскіе вліятельные круги, фактически направлявшіе ходъ нашей политики, оставались глухи, продолжая тянуть переговоры и соглашаясь лишь на такія второстепенныя, незначительныя уступки, которыя завѣдомо не могли удовлетворить японцевъ.

Но Государь Императоръ внялъ доносившемуся изъ Токио голосу разума и истиннаго патріотизма. Въ критическіе дни, когда обнаружилось, что дальнѣйшая наша неуступчивость неизбежно приведетъ къ войнѣ, Государь повелѣлъ согласиться на японскія требованія, дабы тѣмъ обезпечить миръ.

Эта знаменательная страница русской исторіи была до сихъ поръ очень мало извѣстна. Далекое не всѣ документы, къ ней относящіеся, появились въ печати; въ частности, никогда — насколько помнится автору этихъ строкъ — не была опубликована телеграмма, отправленная изъ Портъ Артура 18 января — т. е. за 6 дней до разрыва дипломатическихъ сношеній — Намѣстникомъ на Дальнемъ Востокѣ *) на имя Россійскаго Посланника въ Токио, въ которой Адмиралъ Алексѣевъ, по приказанію изъ Петербурга, сообщалъ

*) На Намѣстника на Дальнемъ Востокѣ Адмирала Алексѣева было возложено высшее руководство нашими переговорами съ Японіей, происходившими въ Токио.

Барону Розену, для передачи Правительству Микадо, что послѣднія японскія предложенія Императорскимъ Правительствомъ приняты и что, слѣдовательно, русско-японскій споръ благополучно оконченъ.

И всетаки война началась...

Вотъ какъ развивались событія.

Въ ночь на Новый Годъ 1904 г. Баронъ Розенъ передалъ по телеграфу въ Портъ Артуръ — Намѣстнику и въ Петербургъ — Министру Иностранныхъ Дѣлъ текстъ японской ноты отъ 31 декабря 1903 г., заключавшей въ себѣ послѣднее — гораздо болѣе для насъ пріемлемое, чѣмъ первое — японское предложеніе, сводившееся, въ грубыхъ чертахъ, къ тому, что Японія готова отказаться отъ первоначальныхъ своихъ требованій относительно Маньчжуріи, выполненіе коихъ свело бы на нѣтъ фактически занятое нами въ ней первенствующее положеніе, съ тѣмъ, чтобы корейская территорія на югъ отъ 37-ой параллели была признана нами находящейся въ сферѣ японскаго вліянія.

Нота эта имѣла характеръ ультимативный; конецъ ея гласилъ приблизительно такъ: „если Императорское Правительство не приметъ этого послѣдняго предложенія Правительства Японскаго, то произойдутъ самыя тяжелыя для обѣихъ сторонъ послѣдствія“.

Прошла недѣля, и двѣ, и три. Отвѣтъ изъ Петербурга не приходилъ. Нетерпѣніе, раздраженіе японцевъ росло съ каждымъ днемъ. Все выше и выше поднимала голову военная партія. Противники войны — а ихъ въ то время въ Японіи было немало — постепенно умолкали. Уже дѣлались открытыя приготовленія къ войнѣ: зафрахтовывались для военныхъ нуждъ коммерческія суда, закупалось продовольствіе; вѣроятно — на это тоже указывали нѣкоторые признаки — уже начиналась мобилизація. Обо всѣхъ тревожныхъ симптомахъ нашъ Посланникъ и состоявшіе при Миссіи Агенты Военный, Морской и финансовый ежедневно телеграфировали въ Петербургъ, настаивая, умоляя объ ускореніи отвѣта.

А его все не было.

18 Января, подъ предсѣдательствомъ Микадо, собрался Высшій Тайный Совѣтъ, созываемый въ Японіи лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда предстоитъ принять рѣшеніе исключительной государственной важности. И въ тотъ же день въ Русскую Миссію перестали поступать официальные зашифрованныя телеграммы...

Шесть дней спустя, утромъ 24 Января, Японскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Баронъ Комура, вызвавъ къ себѣ Барона Розена, объявилъ ему о разрывѣ дипломатическихъ сношеній между Японіей и Россіей и предложилъ ему покинуть японскіе предѣлы вмѣстѣ со всѣми чинами Россійской Миссіи и Консульствъ,

Вечеромъ того же дня въ Портъ Артуръ японцами были взорваны лучшія суда нашего дальневосточнаго флота.

Военныя дѣйствія начались — за два дня до официальнаго объявленія войны. . .

А на слѣдующій день въ Россійскую Миссію, вмѣстѣ со множествомъ другихъ задержанныхъ телеграммъ, былъ доставленъ такъ долго, такъ нетерпѣливо ожидавшійся отвѣтъ. Онъ былъ датированъ 18 Января — днемъ, когда состоялось засѣданіе Тайнаго Совѣта, на которомъ, какъ выяснилось позже, было безповоротно рѣшено начать съ Россіей войну и на которомъ было отдано распоряженіе о задержкѣ всѣхъ адресованныхъ Барону Розену официальныхъ шифрованныхъ телеграммъ.

Въ этомъ отвѣтѣ Императорское Правительство полностью принимало предложенія Японіи.

Таково было окончательное рѣшеніе Государя, продиктованное Ему столько же государственной мудростью, сколько человѣколюбивымъ стремленіемъ избавить Свой народъ отъ ужасовъ войны.

Думается, что ни одинъ честный, хотя бы и самый фанатическій врагъ Государя не посмѣетъ, ознакомившись съ вышеприведенными фактами, возлагать на Него отвѣтственность за начало японской войны. Съ одной стороны роковое стеченіе обстоятельствъ и тайные происки англійской дипломатіи, съ другой — небреженіе къ Государеву дѣлу слугъ лѣнивыхъ и лукавыхъ, ихъ непозволительное легкомысліе и самоувѣренность, ихъ преступная, явно не соответствовавшая обстоятельствамъ даннаго историческаго момента, медлительность — вотъ что привело Россію къ военному столкновенію съ Японіей. положившему начало тому мартирологу русскаго народа, при трагическомъ финалѣ котораго мы нынѣ присутствуемъ.

Миновало 10 лѣтъ. Наступилъ 1914 г.

Въ семьѣ европейскихъ народовъ Россія вновь занимала прежнее свое положеніе. Казалось, что она давно исцѣлилась отъ ранъ, причиненныхъ ей несчастной японской войною, что смута, охватившая ее послѣ оскорбительнаго для русскаго достоинства Портсмутскаго мира, подавлена навсегда.

Но революціонный червь тайно грызъ ея тѣло, исподволь подтачивая мощный имперскій организмъ.

И опять, какъ и въ 1904 г., надъ нею нависъ грозный призракъ войны — на этотъ разъ войны мировой.

И опять Русскій Императоръ рѣшилъ избавить свой народъ отъ страшнаго бѣдствія: Онъ повелѣлъ отмѣнить уже отданный приказъ о мобилизаціи, когда убѣдился, что она неизбежно повлечетъ за собой войну.

Объ этомъ за послѣднее время говорилось и писалось такъ много, что едва ли есть надобность вновь подробно излагать всѣмъ извѣстные, всѣмъ памятные факты.

Какъ и въ 1904 г., самодержавная воля Царя, стремившагося предотвратить войну и оберечь миръ, не была приведена въ исполненіе — и война разразилась, затопивъ міръ моремъ крови и слезъ.

Прошло еще два съ половиною года. И въ третій, послѣдній разъ Государь сказалъ: да не будетъ пролита кровь, сказалъ при такихъ событіяхъ, которымъ въ исторіи нѣтъ равныхъ по трагизму.

Въ разгаръ міровой войны, уже склонявшейся въ пользу Россіи и ея союзниковъ, накануне побѣды, уже близившейся, уже остѣнявшей русскую армію зарей своего великолѣпнаго сіянія, кучка предателей родины и тупыхъ, безмозглыхъ послѣдователей утопическихъ кабинетныхъ доктринъ, опасаясь упустить послѣдній удобный моментъ для сверженія ненавистой имъ Царской власти и пользуясь темнотой и утомленіемъ народнымъ, вызвала въ Петроградѣ февральскій бунтъ запасныхъ солдатъ, превратившійся въ революцію.

Когда въ столицѣ вспыхнуло возстаніе, громадное большинство русскихъ войскъ — не тѣхъ, что благодумствовали въ тылу, а тѣхъ, что дрались на фронтѣ — оставалось вѣрнымъ Государю.

Государь это зналъ. Но Онъ не поѣхалъ на фронтъ, Онъ не отдалъ Себя, Свою Династію и Свой Тронъ подъ его защиту, потому что не хотѣлъ быть причиной братоубійственнаго междоусобія. Въ порывѣ христіанскаго смиренія, въ порывѣ любви къ своему народу Онъ отрекся отъ Престола.

Но даже и этотъ жертвенный подвигъ Императора Николая II не вразумилъ бездарныхъ и безнравственныхъ вождей революціи, не далъ Россіи умиротворенія, не предотвратилъ ужасовъ гражданской войны, которая, все подъ тѣмъ же затасканнымъ, опозореннымъ революціоннымъ флагомъ, длится и поднесъ.

Поистинѣ какой то зловѣщій безжалостный рокъ тяготѣлъ надъ Императоромъ Николаемъ II. Точно какая то дьявольская тайная сила невидимо и иеустанно готовила могилу Ему и Россіи. Всей Своей жизнью и Своей мученической кончиной Онъ доказалъ, что у Него было одно только желанье, одна только мечта: даровать возлюбленному Своему народу миръ, довольство и счастье. Памятуя клятву, данную Имъ Господу Богу въ день Священнаго Своего Коронованія, Онъ къ этой цѣли неуклонно стремился въ продолженіи всего своего царствованія и до послѣднихъ Своихъ дней; ради ея достиженія Онъ принесъ въ жертву не только жизнь Свою и Царскую власть, но и то, что было Ему ближе и дороже всего: Своего единственнаго Сына, Свою Семью, которую онъ такъ горячо и нѣжно лю-

билъ. И всетаки во время Его управленія Россія переживала одно тяжкое бѣдствіе за другимъ, а теперь, послѣ Его кончины, она гибнетъ въ неслыханныхъ мукахъ.

Неужели же бесплоденъ былъ подвигъ Его жизни, неужели же напрасно пролилась Его кровь?

Нѣтъ. Оглянитесь кругомъ, прислушайтесь къ голосамъ, доносящимся изъ опозоренной, распятой Руси. Жалкіе творцы революціи забыты, ихъ послѣдователи и преемники — нынѣшніе властители Россіи — презираемы и ненавидимы. Одно только имя повторяется русскимъ народомъ съ благодарной любовью, съ тяжкимъ раскаяніемъ и смутной надеждой — Имя Государя Николая Александровича. Послѣ всей той грязи и мерзости, которая породила революція, послѣ тѣхъ страшныхъ потрясеній и страданій, до которыхъ она довела Россію — оно одно осталось въ народной памяти свѣтлымъ и чистымъ.

Государя нѣтъ. Но образъ Царя Добраго и Кроткаго, Царя Великомученика, Царя Христіаннѣйшаго живетъ въ русскихъ сердцахъ, зовя ихъ на подвигъ во имя сокрушенія бѣсовскаго ига, во имя возрожденія Россіи подъ сѣнью Царской милостивой и праведной власти.

Б. Арсеньевъ.

Отъ Редакціи. Авторъ этой статьи служилъ въ 1903 — 1904 гг. Секретаремъ Императорской Миссіи въ Токио, что придаетъ разсказу его о томъ, какъ началась японская война, особенный интересъ и цѣнность.

Севастополь.

1920.

(Изъ записной тетради).

Я сидѣлъ на скамьѣ внутри панорамы обороны Севастополя.

Со мной — одинъ замѣчательный человѣкъ, котораго я зналъ еще по Петербургу.

Твореніе Рубо потрясало своимъ реализмомъ и не давало придти въ себя. Казалось, что вся эта масса людей, охваченная воодушевленіемъ подвига, замерла на мгновеніе, словно услыхавъ полетъ Божьихъ ангеловъ въ вышинѣ.

Ихъ душевный подъѣмъ невольно передавался намъ. Хотѣлось говорить только о значительномъ.

— Все то, что происходитъ теперь на землѣ, говорилъ мнѣ мой собесѣдникъ: есть лишь слабое отраженіе той титанической борьбы, которая идетъ между космическимъ Добромъ и Зломъ.

Три года культивировали ненависть со всей изощренностью, на которую способенъ цивилизованный умъ. Лучшіе погибли и страданіемъ искупили свой грѣхъ. Уцѣлѣли — худшіе, но они затрепетали передъ смертью:

— Какъ? Умереть? А вдругъ тамъ ничего нѣтъ? Для чего намъ побѣда, когда насъ не будетъ?

Да, имъ хотѣлось упоенія побѣдой, но такъ, чтобы ни одинъ волосъ не упалъ съ ихъ головы.

А тутъ еще старые лъстецы говорили:

— Бога нѣтъ. Мы устроимъ вамъ рай безъ неба.

И вотъ, обожествляя свою прихоть, уцѣлѣвшіе отъ борьбы повернулись къ врагу спиной. Но, вмѣсто того, чтобы бросить оружіе и разойтись по своимъ домамъ, они крѣпче стиснули въ рукахъ винтовку, чтобы ворваться въ чужой домъ.

Однако, отрицая Бога, люди не могли жить безъ кумировъ. Они не сдумѣли вытравить изъ сердца потребности вѣрить во что-нибудь, хотя бы въ лоскутъ красной матеріи.

Только бы вѣрить! Инстинктъ самосохраненія подсказывалъ имъ, что тамъ, гдѣ не будетъ вѣры, наступитъ упадокъ и смерть.

Но они наступятъ и тамъ, гдѣ вмѣсто вѣры, простой дѣтской вѣры, будетъ политическое суевѣріе.

Ибо какая же разница между безпоповцами, хлыстами или скопцами и политическими сектантами, написавшими въ двадцатомъ вѣкѣ на своихъ знаменахъ магическія заклятія социализма?

— Если всѣ не могутъ быть одинаково богатыми, они зато могутъ быть одинаково бѣдными.

А дальше что? — Зло не въ богатствѣ, а въ господствѣ худшихъ надъ духомъ и тѣломъ.

Все это не могло не нарушить міровой гармоніи. Грохотъ удара потрясъ твердь неба.

Зло несказанно усилилось, получивъ милліоны безнаказанныхъ пособниковъ. Вѣдь разрушать гораздо легче, чѣмъ созидать.

И, кто знаетъ, можетъ быть падшій Ангелъ снова получилъ свободу и поднялъ мечъ противъ Вседержителя?

На помощь Денницѣ пришли души грѣшниковъ, замутившія своими преступленіями эфиръ.

И борьба закипѣла, потрясая планеты и созвѣздія, вліяя на времена года, на холодъ и зной, вѣтеръ и влагу.

Она вызвала изъ подъ земли страшныя міазмы эпидемій, отравила разсудокъ цѣлыхъ націй и обезплодила нивы.

Однимъ внушила корыстолюбіе, другимъ рабскій страхъ, у третьихъ отняла всѣ надежды.

Слезы дѣтей уже не вызываютъ жалости въ людскихъ сердцахъ. Ангелы оставили землю, и не стало дѣтей-цвѣтовъ жизни.

Но и самая долгая ночь кончается. Разсвѣтъ близокъ, ибо только здоровое побѣждаетъ въ природѣ.

Цѣною неслыханнаго опыта, стоявшаго жизни миллио- намъ, народъ понялъ, что сбился съ пути — дальше дороги нѣтъ.

И поворотъ будетъ очень крутой.

Мы освободились отъ господства вещей и научились цѣнить самыя маленькія радости.

Жизнь тяготила многихъ изъ насъ; когда не исполня- лись наши прихоти, мы были готовы проклясть небо.

Теперь каждый день страданій лишь распаляетъ въ насъ жажду жизни.

Прежде, еще не имѣя дѣтей, мы заботились о пропи- таніи внуковъ. Теперь мы счастливы, когда Господь услы- шить нашу молитву:

— Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.

Заглянувъ въ лицо вѣчности, мы поняли, что несемъ искупленіе за забвеніе вѣчныхъ заповѣдей.

Онъ все тѣ-же, когда Христосъ сказалъ:

— Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, ибо завтрашній день самъ о себѣ позаботится: довольно для каждого дня своей заботы. . .

Мой собесѣдникъ замолкъ и устремилъ свой взоръ на группу солдатъ, стоявшихъ около Тотлебенской батареи.

Ихъ лица были тѣ-же, что у русскихъ солдатъ подъ Аустерлицомъ, Плевной, Ляояномъ и Варшавой: сосредото- ченныя и строгія, точно готовыя къ таинству.

И онъ сказалъ:

— Вотъ видите, ихъ отъ отчаянія спасла вѣра, а они отстояли Россію. За это Господь освободилъ ихъ на седьмой годъ.

— Вѣрьте и вы, добавилъ онъ на прощанье: и Господь защититъ Васъ отъ зла. Наши дѣды носили всегда при себѣ 90-ый псаломъ Давида и читали его въ трудныя ми- нуты жизни.

Попробуйте послѣдовать ихъ примѣру.

Да, разсвѣтъ близокъ. . .

Мнѣ довелось быть очевидцемъ этого поразительнаго перелома въ народныхъ упованіяхъ.

Въ сентябрѣ, въ дни покаянія предъ Воздвиженіемъ Креста Господня, я видѣлъ толпы простыхъ, русскихъ людей, шедшихъ въ крестныхъ ходахъ къ преддверію алтарей.

Разочаровавшись во всѣхъ способахъ устроенія ихъ благополучія, которые ихъ привели къ гибели, люди про- шиклись безхитростной мыслью:

— Надо покаяться. . .

И вотъ весь Крымъ, еще не испытавшій гоненій за вѣру, охваченъ одной мыслью исканія Бога.

Слова духовенства о покаяніи и любви, еще недавно казавшіяся такими избитыми, звучать совершенно по новому въ переполненных молящимися храмахъ.

А что-же дѣлается тамъ — на сѣверѣ, гдѣ вѣрующіе преслѣдуются, какъ во времена языческія?

Сердца устали ненавидѣть и мстить. Захотѣлось любви и покоя, ибо изъ противорѣчій и крайностей соткана душа человѣка. Каждая семья пережила потерю любимого, а то и многихъ.

Уваженіе къ живымъ создаетъ право, любовь къ мертвымъ — вѣру въ безсмертіе, т. е. въ Бога.

О, я это самъ испыталъ страшнымъ опытомъ послѣднихъ мѣсяцевъ!

Не надо только угашать духа — надо широко раскрыть сердца для жалости, чтобы потоками слезъ омылась народная душа.

И тогда снова войдутъ въ нее простыя истины; поправныя въ дни великаго искушенія, ибо онѣ намъ нужны такъ же, какъ солнечный свѣтъ, вода и воздухъ.

Я получилъ письмо изъ Ялты:

„Въ дни покаянія народъ охваченъ мечтою о Царѣ. Въ звѣздныя ночи стоитъ онъ, группами на набережной, вперивъ пристальный взглядъ въ морскую даль, и ждетъ, не покажется ли корабль съ Благословеннымъ Гостемъ.

„Но Царь долженъ быть выстраданъ...“

Что это — сказка, иллюзія разстроеннаго воображенія? — Нѣтъ это дѣйствіе законовъ исторіи, забытыхъ тѣми, кто хочетъ играть судьбой Россіи.

Часто думаю о томъ, что принесу я Родинѣ, если останусь въ живыхъ?

Когда-то мы хотѣли сдѣлаться мозгомъ своего народа.

Стремилась къ познанію вещей, все подвергали анализу, все сжигали въ лабораторіи разсудка.

Носились съ планами о переустройствѣ вселенной на новыхъ началахъ. Отвергая сложившійся жизненный укладъ, валили въ одну кучу мораль, долгъ, религію.

Хотѣли безъ Бога начать новую эру.

И убили въ своемъ сердцѣ любовь, ибо она не научна.

Получилась гипертрофія ума.

Но вотъ существующее рухнуло и погребло подъ своими развалинами Россію.

Изъ подъ обломковъ должны были выйти люди съ сильной волей, крѣпкіе умѣніемъ созидать.

Но волевыхъ людей не оказалось. И напрасно чистые сердцемъ вопрошали: „Что они съ нашей Россіей сдѣлали?“

Въ средѣ, пораженной анализомъ и безволіемъ, для положительнаго творчества не нашлось силъ.

Какіе же идеалы могутъ быть у самосожженцевъ, разнуздавшихъ Звѣря?

За это народъ отвернулся отъ нихъ и предалъ проклятію.

И если мы хотимъ вернуться къ народу, все атеистическое, разъединяющее, тлѣнное должно уступить мѣсто религіозному, соединяющему, вѣчному.

Мы должны прежде всего раздѣлить чистую вѣру народа въ Царствіе Божіе на землѣ.

Потому что синтезъ — есть законъ любви.

Потому что законъ любви есть Богъ.

Недаромъ говорить народная мудрость:

— Безъ Бога ни до порога.

Но эта новая правда для тѣхъ, кто выстрадалъ до конца въ годину перевоплощенія Россіи. Ибо ничто такъ не обостряетъ дара прозрѣнія, какъ страданіе.

Если у Россіи нѣтъ мудрой старости, молодежь должна посѣдѣть въ тридцать лѣтъ.

И надо еще, чтобы умерли старые льстецы, ибо смерть одна сниметъ пелену съ ихъ глазъ.

Для нихъ смерть будетъ пробужденіемъ.

Я сталъ опять молиться... Каждый вечеръ читаю „Отче Нашъ“ и „Святый Боже“.

Эта бесѣда съ Богомъ въ глухую ночь, при свѣтѣ одинокой свѣчи, поднимаетъ меня къ вершинамъ духа.

И цѣлый день я жду съ нетерпѣніемъ той минуты, когда можно оторваться отъ земли...

Да, злоба Денницы была направлена противъ Россіи, потому что въ ея нѣдрахъ жила еще вѣра. Богу угодно было, чтобы наша Родина, во имя спасенія человѣчества, стала опытнымъ полемъ для посѣва ненависти противъ брата.

Такъ было во времена Тамерлана, Батыя, Бонапарта... Но потомъ воскресла Россія!

Георгій Немировичъ-Данченко.

О подмѣнѣ понятій.

Въ вѣчной борьбѣ добра и зла однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и излюбленныхъ пріемовъ соблазна и уклона въ сторону зла является „подмѣна понятій“. Большинство среднихъ, неспорченныхъ людей совѣсть инстинктивно подсказываетъ, что такое то дѣйствіе недопустимо. Чтобы усыпить совѣсть надо умѣть подѣйствовать на разсудокъ, доказывая, что то, что мы привыкли считать зломъ, вовсе не есть зло и обратно, что то, что мы привыкли считать святымъ, высокимъ, вовсе такой оцѣнки не заслуживаетъ. Но такъ какъ достигнуть такого результата сразу и прямо нельзя, то приходится подходить къ цѣли исподволь.

Припомнимъ недавнее прошлое, когда во время развала, вызваннаго войной, и въ печати и въ кругахъ интеллигентской общественности шла глубокая и широкая подготовка революціи. Мы всѣ помнимъ это скверное, предательское время. Но какъ ниросло искусственно раздуваемое настроеніе недовольства, нельзя же было сразу выступить открыто: еслибы даже осенью 1916 г. въ Государственной Думѣ, которая тогда превратилась уже въ настоящую революціонную лабораторію, кто нибудь съ кафедръ крикнулъ „долой самодержавіе“ или „долой Царя“, то даже Предсѣдатель Родзянко, при всей его трусливой угодливости передъ „желтымъ блокомъ“, все-таки счелъ бы себя обязаннымъ остановить такое выступленіе. Но въ той же Думѣ въ теченіи цѣлыхъ недѣль съ напускнымъ жаромъ и все нараставшею дерзостью громятъ съ кафедръ „неспособность и продажность бюрократіи“, ругаютъ Штюрмера, потомъ переходятъ къ „сферамъ“, т. е. лицамъ, окружающимъ Царскую семью; печальной памяти Пуришкевичъ, оставивъ свое прежнее самоотверженное служеніе на защиту самодержавія и подслуживаясь „желтому блоку“, срываетъ злорадные хлопки лѣвыхъ, своими пошлыми пересказами Распутинской сплетни: главари конечно знали, куда они мѣтили, но обманываемое большинство сначала не понимало, что революціонная волна бьетъ гораздо выше и захлестываетъ подножіе Царскаго Престола; цѣль достигалась постепенно, публика привыкала незамѣтно и переходъ къ нападкамъ, уже непосредственно направленнымъ противъ Царя, являлся естественнымъ. Сначала развѣнчивать, потомъ низвергнуть.

Вотъ и другой примѣръ подмѣны понятій о „христіанствѣ“ и „соціализмѣ“. Первое въ глазахъ даже людей, мало знакомыхъ съ Евангеліемъ и мало задумывавшихся надъ духовными задачами, окружено ореоломъ возвышенной святости и истины, второе же, напротивъ того, отпугиваетъ многихъ, внушая недовѣріе и страхъ. Первое представляется чѣмъ то высокимъ, милостивымъ, творческимъ, второе — жестокимъ, разрушительнымъ. И вотъ, лукавый соблазнитель, отнюдь какъ бы не посягая на авторитетъ Евангелія и напротивъ видимо признавая всю его высоту, разъясняетъ, что социализмъ не только не является ученіемъ, непримиримымъ съ ученіемъ Христа, но что даже во многомъ съ нимъ совпадаетъ. Приведутъ неопытнымъ слушателямъ на выдержку нѣсколько Евангельскихъ, наудачу выхваченныхъ текстовъ, обличающихъ богатство: „горе вамъ, богатые“ или „какъ трудно имѣющимъ богатство войти въ царствіе Божіе“ (Ев. Мар. гл. 10 ст. 23) и новоявленный богословъ постепенно приучаетъ своихъ слушателей къ мысли, что Христосъ проповѣдывалъ социализмъ.

Ему надо было бы отвѣтить, что, хотя и Христіанство и социализмъ оба отрицательно относятся ко всякому излишнему накопленію земныхъ благъ, но, въ цѣляхъ и приемахъ своихъ къ исправленію человѣчества, они діаметрально противоположны другъ другу. Христіанство нигдѣ не по-

велѣваетъ принудительнаго отказа или насильственнаго раздѣла имуществъ, какъ государственное или общественное установленіе; оно призываетъ къ презрѣнію богатства какъ къ добровольному, индивидуальному подвигу души, стремящейся къ совершенству. Такъ было сказано юношѣ, вопрошавшему, что ему дѣлать, чтобы наслѣдовать жизнь вѣчную: „если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ.“ (Ев. Мат. гл. 19, ст. 21.) Когда Закхей, радостно потрясенный счастіемъ посѣщенія его Христомъ Спасителемъ, на котораго онъ считалъ себя еле достойнымъ взглянуть хоть издали, воскликнулъ: „Господи, половину имѣнія моего я раздамъ нищимъ и если кого чѣмъ обидѣлъ — воздамъ вчетверо,“ социаль демократъ нашего времени, вѣроятно, потребовалъ бы отъ Закхея, чтобы онъ отдалъ не половину только своего имѣнія, а все для всеобщаго раздѣла; но Христосъ не поставилъ ему въ вину того, что онъ оставляетъ себѣ полимѣнія, а удостоилъ его высокой похвалы передъ окружавшими, почитавшими себя праведниками. Дѣло было тутъ не въ цифрѣ, а въ свободномъ порывѣ просвѣтленной души. Въ первоначальной общинѣ Христіанъ въ Іерусалимѣ была между ними даже общность имуществъ, но опять таки въ этомъ не было ничего принудительнаго. Насколько различны цѣли и приемы, настолько же различны въ обоихъ случаяхъ и результаты. Совершенно не задаваясь цѣлями переустройства человѣческихъ обществъ, Христіанство имѣетъ задачею просвѣтленіе человѣческой души, изъ котораго, какъ его послѣдствія, вытекаютъ и дѣятельная любовь, проявляющаяся въ видѣ широкаго милосердія, и нестяжаніе, доходящее у ищущихъ нравственнаго совершенства до полного отказа отъ всякой собственности. Отсюда миръ, взаимная благожелательность и благоустроеніе внѣшней жизни, какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ обществъ.

Социализмъ, напротивъ того, ставитъ себѣ цѣлью уравниваніе матеріальныхъ благъ какъ задачу государственнаго переустройства и такъ какъ такое требованіе можетъ быть осуществлено только принужденіемъ, то и послѣдствія бывають соотвѣтствующія: зависть, злоба, насиліе, ненависть, убійства и все это, какъ въ современной Россіи, выражается въ кровавыхъ ужасахъ гражданской войны. „По плодамъ ихъ узнаете ихъ.“

Казалось бы, при такой противоположности достигаемыхъ результатовъ, нельзя не признать кореннаго различія между Христіанствомъ и социализмомъ и тѣмъ не менѣе до нашихъ дней многіе поддаются обману и повторяютъ, будто бы Христосъ проповѣдывалъ социализмъ.

Но однимъ изъ самыхъ пагубныхъ примѣненій этого способа подмѣнивать истину ложью явилось ученіе Л. Толстаго о „непротивленіи злу“. Исходя какъ бы отъ авторитета Евангелія, выхвативъ изъ него отдѣльныя положенія (Ев. Мат. гл. 5) и подвергая ихъ произвольному толкованію, Толстой дошелъ на этомъ пути до полнаго ученія анархизма:

судъ, кара преступниковъ, присяга, воинская повинность, война и всякая государственная власть являются насиліемъ, противурѣчающимъ ученію Христа. Если къ этому добавить, что онъ отрицалъ и божественность Христа, а слѣдовательно и церковь со всѣми ея установленіями, то отсюда ясно, какой полнѣйшій хаосъ и разложеніе его ученіе вносило въ полуобразованные, дсвѣрчивые, по преимуществу молодые, умы, неспособные самостоятельно разобраться въ этихъ вопросахъ. А соблазнъ для малоопытныхъ былъ великій. Когда упоминалось, что Толстой не христіанинъ, вы могли часто слышать недоумѣнный отвѣтъ: какъ же онъ не христіанинъ, когда онъ свое ученіе основываетъ на Евангеліи? И вотъ этотъ пріемъ основываться будто бы на авторитетѣ Евангелія, того самаго Евангелія, божественность котораго онъ отрицаетъ, есть возмутительный, чисто дѣвольскій пріемъ соблазна.

И теперь приходится нерѣдко въ людяхъ вѣрующихъ встрѣчаться съ этимъ пагубнымъ смѣшеніемъ понятій о прощеніи и милосердіи съ понятіемъ о непротивленіи злу. Передъ нами высшій примѣръ милосердія — примѣръ Спасителя, молившагося на крестѣ за Своихъ враговъ: „Отче! прости имъ, не вѣдаютъ бо что творятъ“, и отсюда дѣлаютъ, на первый взглядъ какъ бы правильный, выводъ: если Христосъ простилъ, то мы по Его примѣру должны все и всѣхъ прощать.

Когда сдѣланъ такой, можетъ быть невольный, скаченъ мысли легко идти по этому пути далѣе. Вамъ будутъ говорить, что нѣтъ преступленій и злодѣяній, которыя не слѣдовало бы прощать хотя бы онѣ и достигали тѣхъ ужасовъ, которые теперь совершаются въ Россіи. Когда авторитетъ Евангелія уже достаточно использованъ для того, чтобы затуманить нравственное чувство, можно идти далѣе и переходить къ доказательствамъ уже не евангельскаго, а рачіоналистическаго свойства. Вамъ приведутъ извѣстное изрѣченіе „все понять это — все простить“ и затѣмъ начинается чисто адвокатская, софистическая аргументація: вамъ будутъ говорить, что какъ ни ужасны преступники и ихъ злодѣянія, надо стараться понять, какъ сложилась ихъ преступная психологія и тогда мы поймемъ, что не слѣдуетъ ихъ карать, а можно ихъ только жалѣть.

Не мѣшаетъ остановиться на этомъ доказательствѣ. Эти поистинѣ „крылатые“ слова, плѣняющія многихъ своею кажущеюся глубиною и лживою гуманностью извѣстны даже тѣмъ, кто не подозрѣваетъ, кѣмъ онѣ сказаны. Это вовсе не поговорка, а эти слова сказаны въ началѣ XIX ст. французскою писательницею Г-жею де Сталь *): *Tout comprendre c'est tout pardonner.*

*) Дочь министра Неккера, извѣстнаго своимъ участіемъ въ подготовкѣ Французской революціи и своимъ предательствомъ по отношенію къ королю Людовику XVI. Играть политическую роль при Наполеонѣ ей не удалось. На большомъ пріемѣ у Перваго консула на вопросъ, какихъ женщинъ Бонапарте особенно цѣнитъ, Наполеонъ от-

Совѣмъ не духомъ христіанской любви и смиренія дышать эти слова; онѣ подсказаны горделивою самомнительностью въ духѣ французскихъ Энциклопедистовъ XVIII ст.: всепониманіе и всевѣдѣніе человѣку не даны, не дано ему слѣдовательно и дерзновеніе всепрощенія и ставить это изреченіе наряду съ ученіемъ Христа не годится. Спаситель Своихъ мучителей простилъ, но фарисеевъ и книжниковъ Онъ обличалъ сурово, и Самъ изгонялъ грозно осквернителей Храма. Грознымъ прещеніемъ звучать слова, обращенныя къ обличаемымъ Имъ фарисеямъ: „Да взыщется отъ рода сего кровь всѣхъ пророковъ, пролитая отъ созданія міра, отъ крови Авеля до крови Захаріи, убитого между жертвенникомъ и храмомъ. Ей говорю вамъ взыщется отъ рода сего“. (Ев. Луки гл. II ст. 50 и 51). Сколько убито въ Россіи Особъ Царствующаго Дома, епископовъ, священниковъ и всякаго чина людей, ихъ и не перечсть, и чтоже, вся эта невинно пролитая кровь, съ убійцъ не взыщется? Этихъ убійцъ надо только жалѣть?

Подмѣна понятій въ данномъ случаѣ заключается въ слѣдующемъ: каждый изъ насъ, кто желаетъ быть вѣрнымъ завѣтамъ Христа, долженъ, какъ это ни трудно, стремиться къ тому, чтобы прощать своихъ враговъ, отвергнувшись себя и побѣдивъ страсть влекущую его къ мести, и тотъ, кто, по милости Божіей на это способенъ, тотъ поистинѣ совершаетъ подвигъ. Такъ разумѣемъ мы прощеніе по ученію и примѣру Христа.

Но если мы великодушно прощаемъ чужія обиды и оскорбленія, нанесенныя не намъ, а другимъ людямъ, то для этого не требуется никакихъ особенныхъ усилій надъ собою и ужъ конечно никакого подвига, а достаточно для этого большей или меньшей степени равнодушія. Это не ученіе Христа, а ученіе о непротивленіи злу, основанное на искаженномъ толкованіи Евангелія Львомъ Толстымъ. За этимъ „учителемъ“ мы не пойдемъ.

По этимъ вопросамъ, заслуживающимъ самаго внимательнаго отношенія, отъ кого же казалось бы и ждать намъ „праваго“ ученія, какъ не отъ нашихъ Православныхъ Іерарховъ? Мнѣ хотѣлось бы поэтому ознакомить читателей съ, навѣрное, нѣкоторыми давно забытымъ, а многими, можетъ быть, никогда не читаннымъ трудомъ Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго Никанора. Передо мною его бесѣда, озаглавленная „Церковь и государство. Противъ гр. Л. Толстаго“, напечатанная въ Одессѣ, въ 1890 г. въ изданіи Русскаго Пантелеймоновскаго монастыря на Аѳонѣ. Этой книжкѣ теперь болѣе 30 лѣтъ, но содержаніе ея не устарѣло, ибо основано на словѣ Божіемъ. Понимая всю пагубность Толстовскихъ лжеученій, Пр. Никаноръ неустанно боролся

вѣтилъ ей: „Только тѣхъ, у которыхъ много дѣтей“. Г-жа де Сталь была бездѣтна и этой дерзости простить „маленькому корсиканцу“ не могла. Высланная изъ Франціи она, въ качествѣ эмигрантки, нашла широкое гостепріимство въ Россіи. Толстой вывелъ ее въ „Войнѣ и мирѣ“ на обѣдъ у гр. Ростова.

съ ними церковною проповѣдью и печатнымъ словомъ, и по своей всесторонней учености и пламенному краснорѣчію, горѣлъ, въ свое время, какъ яркій свѣтильникъ на свѣщникѣ Россійской церкви.

Разбирая неумолимо и шагъ за шагомъ нигилистическія ученія Толстаго, Пр. Никаноръ противопоставляетъ имъ основанныя на Священномъ Писаніи и сильно выраженные имъ сужденія о происхожденіи государства, о патриотизмѣ, о Царской власти, о нравственной законѣрности войны, о необходимости суда надъ преступниками и о значеніи Православной Церкви въ исторіи Россіи.

О происхожденіи государства. „Кто вѣрнѣе въ живаго Бога тотъ не можетъ не вѣрнѣе и во вседержительный Промыслъ Божій, управляющій народами и царствами.“... Государственный союзъ также возникъ по волѣ Божіей, какъ и союзы церковно-религіозные, родовые и семейные“

О патриотизмѣ. „Патриотизмъ есть естественнѣйшая и священнѣйшая обязанность. Патриотизмъ есть любовь къ отечеству, покорность ему и вѣрность даже до смерти, до пролитія крови. Отечество потому такъ и называется, что оно cadaго изъ насъ родило и воспитало; потому что заключаетъ въ себѣ всю совокупность нашихъ отцевъ, какъ живыхъ пока еще, такъ и отшедшихъ уже въ вѣчность, которые своею вѣрою и любовью, своею преданностью тому же отечеству до смерти, своими клятвами и завѣтами своимъ потомкамъ, основали и утвердили и намъ на вѣчное храненіе завѣщали то же отечество; по тому что оно сдерживается, движется на своемъ основаніи и управляется, какъ главою отцомъ отечества, прямымъ потомкомъ того богоизбраннаго рода, которому Промыслъ Божій, своимъ исключительнымъ избраніемъ, вручилъ главенство между первѣйшими родами, основавшими государство и вѣрилъ судьбы народа, закрѣпленнаго за царствомъ и царемъ вольными на вѣрность ему клятвами многихъ поколѣній...“

О Царской власти. „Кто изъ смертныхъ на землѣ можетъ быть священнѣе Помазанника Божія, богоизбраннаго Царя? Что неприкосновеннѣе его жизни, съ которою такъ крѣпко связана жизнь всего отечества? Что обязательнѣе богоуставленной и Богомъ благословенной клятвы на вѣрность Царю даже до смерти, до пролитія каждаго изъ вѣроподданныхъ собственной крови? Вѣдь проливая кровь нашу за Царя, мы проливаемъ ее за все что есть для насъ на землѣ самаго священнаго, дорогаго и любезнаго, за вѣру и святыню, за храмы и могилы предковъ, за отцевъ и братьевъ, за женъ и дѣтей, за семейный очагъ и народный укладъ, насъ воспитавшій, питающій и одушевляющій и провозжающій въ могилу. А Царь есть высшее священнѣйшее знамя всего дорогаго и любезнаго и священнаго для нашего сердца на нашей родинѣ. Что патриотизмъ будто есть только продуктъ превратнаго воспитанія, что всякое государство основано на насиліи, что всякая власть — насиліе, что законы — насиліе, что отправленіе правосудія — насиліе, что

защищеніе отечества оружіемъ — также насиліе, это есть нечестивое злохуленіе суетмудрія, распространяющееся особенно въ послѣднее время, по всей справедливости называемое тяжелымъ и смутнымъ.“ (стр. 19).

О нравственной обязательности защиты родины.

„Но присяга на вѣрность государственной власти ведетъ къ убійствамъ враговъ народа, внѣшнихъ и внутреннихъ? Вѣдь всѣ народы братья? Вѣрно. Богу угодно, чтобы я любилъ ближняго, какъ самаго себя. Но Богу же угодно было дать такой естественный законъ, что „никто же когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю.“ Богу же угодно было чтобы каждый любилъ и берегъ своихъ родителей, жену, дѣтей, братьевъ больше, чѣмъ чужихъ. По апостолу Павлу, „кто о присныхъ не радитъ, тотъ вѣры отвергъ и невѣрнаго горшій есть“... (стр. 21)

„Христосъ запрещаетъ убійство, запрещаетъ войну? Убійство — да, запрещаетъ, но войну нигдѣ не запрещаетъ, какъ не запрещаетъ атмосферныя бури, изверженія вулкановъ, землетрясенія или наводненія. Это зло, но міровое, неотвратимое. „Егда услышите брани и слышанія бранемъ, зрите, не ужасайтесь“. По слову Христову, брани будутъ до кончины міра, если не отъ насъ, учениковъ Христовыхъ, то на насъ отъ враговъ Христовыхъ какъ напоръ злыхъ стихійныхъ силъ. Всѣ коварные толки враговъ Христовыхъ о томъ, что Христосъ не велѣлъ воевать, сводятся лишь къ тому коварному выводу, что вѣрные Христу не должны отражать нападенія враговъ, а должны отдать на ихъ полную волю себя и своихъ дряхлыхъ отцевъ, слабыхъ женъ и малыхъ дѣтей, на опозореніе и искорененіе рода нашего, отдать свои храмы на разореніе, свою святыню на поруганіе, свою народную честь на злорадное посмѣяніе, на втоптаніе въ грязь.“ (стр. 22)

О вмѣняемости преступленій и обязанности государства карать преступниковъ. Сопоставляя кары человѣческаго правосудія съ предстоящими для отверженныхъ и проклятыхъ на страшномъ судѣ муками геены огненной, Пр. Никаноръ говоритъ, „Увы! Правосудіе неумолимое, но правосудіе Божественное! Подите, отрицайте его, отрицая его вы будете отрицать все Евангеліе, все Божественное откровеніе. Такимъ же и еще большимъ безуміемъ было бы сказать, будто бы преступника не должно наказывать не только смертью, но и никакъ... Никакимъ умничаньемъ нельзя оспорить у меня естественное право, проистекающее изъ самаго естественнаго неотвратимаго побужденія, взяться за оружіе, чтобы отразить врага, нападающаго на меня оружіемъ. Но это естественное право самозащиты превращается для меня въ долгъ, когда я призванъ защищать другаго, когда я отецъ семьи, когда я защищаю жену, дѣтей, всякую поправленную невинность, всякую угнетенную насиліемъ слабость, или поруганную нахальствомъ святыню. Преступникъ, наносящій обиду другому, всячески вызываетъ естественное отраженіе обиды...

На главы народовъ и царствъ, по духу Божественнаго откровенія, Промысломъ Божиимъ возложенъ долгъ не только защищать подвластныхъ имъ отъ всякихъ обидъ. но и очищать общества отъ зла, чтобы злодѣйства, привлекающія клятву на землю и народы, въ нихъ не скрывались и не заражали общественный организмъ. Измите злаго отъ васъ самихъ, Азъ Господь Богъ вашъ, глаголетъ самъ Господь, повторяясь многократно.“ (стр. 24 и 25).

Свой разборъ ученія Толстаго о Христіанствѣ безъ догматовъ и о человѣческомъ общежитіи безъ власти, Пр. Никаноръ завершаетъ слѣдующими сужденіями. „Пусть подумаютъ о томъ, что эти проповѣдники любви къ свободѣ и ненависти къ власти, какъ насилию, готовятъ русскому народу. А то же, что и во всемъ свѣтѣ всему человѣчеству. Готовится безъисповѣдный вселенскій космополитизмъ, въ которомъ, какъ предъ потопомъ или вавилонскимъ смѣшеніемъ, всѣ люди смѣшаются въ упадкѣ всякой вѣры, всякаго возвышеннаго идеала, всякаго стремленія къ горнему, небесному, смѣшаются въ работѣ самымъ низменнымъ страстямъ, въ захватѣ и раздорѣ изъ за благъ міра сего; а раздѣляются какъ въ допотопномъ человѣчествѣ, на два лагеря, на лагерь исполиновъ коварства и злобы, который захватитъ лагерь болѣе незлобивыхъ и нелукавыхъ въ самое безпощадное рабство. И отъ этого послѣдняго зла избавитъ только самъ Богъ, стерши съ лица земли человѣчество, какъ недостойное болѣе жить“ (стр. 40).

Такъ мудрствовала Православная богословская мысль устами одного изъ лучшихъ ея представителей.

Мы съ особою любовью привели эти вдохновенныя разсужденія Пр. Никанора, ибо онѣ для христіански вѣрующаго человѣка незыблемы, какъ незыблемо само слово Божіе, на которомъ онѣ основаны.

Хотѣлось бы, чтобы такія рѣчи запечатлѣвались въ умахъ русскихъ людей вмѣсто непродуманныхъ разсужденій о „всепрошеніи“ въ духѣ Г-жи де Сталь или о „непротивленіи злу“ въ духѣ Л. Толстаго.

А. Роговичъ.

Мертвая вѣра.

Въ день Усѣкновенія Главы Святаго Іоанна Предтечи былъ я у обѣдни въ Берлинской посольской церкви. Послѣ обѣдни Архимандритъ Тихонъ говорилъ Слово. Проповѣдь Архимандрита Тихона проста, вдумчива и душевна, а потому доходчива не только до ума, но и до сердца слушателей.

— Легче верблюду пройти черезъ ушко игольное, нежели богатому войти въ Царство Небесное.✠

Такова была тема пастырской проповѣди, и надо думать, проповѣдь эта кольнула самолюбіе не одного изъ „бывшихъ богачей“, какъ выразился достойный проповѣдникъ.

Отецъ Архимандритъ упустилъ пояснить, что „игольнымъ ушкомъ“ въ тѣ времена именовались ворота въ одной изъ башенъ Іерусалимской стѣны, ворота настолько тѣсныя, что пропуская пѣшихъ и конныхъ всадниковъ, были непроходимы для навьюченныхъ тюками верблюдовъ. Это упущеніе проповѣдника привело, думается, „бывшихъ богачей“, тѣмъ болѣе сущихъ въ семь санѣ, въ еще большее и пожалуй, напрасное смущеніе. Въ серединѣ проповѣди мимо меня протѣснилась къ выходу богато одѣтая дама съ полумилліономъ жемчуговъ на дебелой шеѣ. Какъ эта, такъ и нѣсколько другихъ особъ, равноцѣнныхъ первой, видимо, остались недовольны.

Но проповѣдь была хороша, попадала не въ бровь, а въ глазъ и немолчно будила заснувшую совѣсть у всѣхъ, кто окончательно еще не забронировался.

Кромѣ іудеевъ и безвѣрныхъ социалистовъ въ Берлинѣ живутъ тысячи русскихъ православныхъ людей, изъ коихъ въ Церковь болѣе или менѣе постоянно ходятъ человѣкъ 600 — 700. Недавно строился по новому соборному уставу Берлинскій церковный приходъ, и тутъ выявился печальный фактъ: выполнили необходимыя по уставу условія и записались въ книгу прихожанъ только 470 человѣкъ, но и изъ этого числа на первое приходское собраніе явилось всего около сотни лицъ. Этимъ 100 пришлось не только произвести выборы въ церковный совѣтъ, но и рѣшать важнѣйшій вопросъ о самообложеніи прихожанъ на содержаніе церкви и приходскихъ учрежденій. Изъ оглашенныхъ отчетовъ и смѣтъ выяснилось, что для насущнѣйшихъ нуждъ берлинской церкви необходима ежемѣсячная сумма въ 8,000 герм. марокъ, а если прибавить расходы на приходскую школу и бібліотеку, то требуется не менѣе 10,000 мар. въ мѣсяцъ. Общая же сумма церковныхъ доходовъ не превышаетъ 2 500—3,000 марокъ ежемѣсячно. Ежемѣсячная нехватка въ 7 000—7 500 марокъ подлежала покрытію либо путемъ самообложенія прихожанъ, либо путемъ выклянчиванія субсидій изъ казенныхъ суммъ, захваченныхъ разными парижскими и американскими жидо-масонскими „властями“.

Принять на свои плечи всю тяготу самообложенія для 100 бывшихъ на собраніи прихожанъ показалось непосильнымъ и несправедливымъ, облагать же церковной повинностью людей, хотя и ходящихъ на богослуженія и пользующихся церковными требами, но не желающихъ заботиться о церкви, собраніе не имѣло ни права, ни силы.

Такъ вопросъ о самообложеніи и повисъ въ воздухѣ. Мы, добрые русскіе обыватели, весьма уважаемъ всяческія самоопредѣленія, самостоятельность и самоуправленіе, но вотъ къ самообложенію питаемъ какое то безразличное чувство, почти недоброжелательство. Многіе изъ насъ не прочь ча-

сами философствовать объ освобожденіи церкви отъ путь государственности, о снятіи съ пастырей ига матеріальныхъ заботъ, о возрожденіи Россіи черезъ приходы и о другихъ прекрасныхъ вещахъ. Но стоитъ заикнуться о своевременности претворенія великихъ словъ въ хотя бы малыя дѣла, стоитъ намекнуть на несомнѣнную обязанность каждого христіанина дѣйственно и жертвенно участвовать въ жизни Церкви Христовой, какъ слушатели либо спѣшать съ дѣловымъ видомъ къ выходу, либо торопливо роются въ кошелекъ недовольно отыскивая для жертвы бумажку возможно меньшей цѣнности.

Извращеніе понятія и потеря христіанской совѣсти доходятъ до того, что люди, завѣдомо проживающіе болѣе тысячи марокъ въ недѣлю, „жертвуютъ“ по воскресеньямъ на тарелку церковнаго сборщика по двѣ, самое большое по пяти марокъ, т. е. отдаютъ дѣлу церкви отъ 1/500 — 1/200 своихъ доходовъ.

И имъ нисколько не стыдно.

Среди богомольцевъ посольской церкви дѣйствительно бѣдныхъ людей весьма немного, такихъ, которые проживали бы менѣе 100 мар. въ недѣлю, пожалуй, и вовсе не найти, а посмотрите, какъ много бумажекъ въ 50 пф. насчитывается въ тарелочномъ сборѣ за воскресной обѣдней!

Ничтожный размѣръ нашихъ расходовъ на дѣло нашей церкви, или, что тоже, — на дѣло нашей души, нашей вѣры, грозно свидѣтельствуетъ о нашемъ полномъ равнодушіи къ жизни нашего духа. И сколько бы ни били мы поклоновъ, сколько бы ни крестились при моленіи пастыря „о многострадальной Родинѣ нашей“, — для возрождающейся во многихъ страданіяхъ и въ великихъ жертвахъ своихъ святой православной Руси мы — такіе, какъ теперь, все же остаемся чуждыми отщепенцами. Если такъ будемъ вести себя и дальше, то въ возрожденной, очистившейся въ горнилѣ мукъ, исполненной Святаго Духа Россіи намъ, — кочующимъ по Европѣ съ холодной вѣрой безъ дѣлъ, по справедливости не окажется мѣста.

Разбѣжавшись по безопаснымъ мѣстамъ и укрывшись на короткое время отъ карающаго меча историческаго Возмездія, наша интеллигенція, буржуазія и аристократія какъ будто не понимаютъ, что во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ „многострадальной Родины нашей“ именно они и являются главными виновниками.

Они, стоявшіе впереди и во главѣ, развратили нашъ народъ и довели до озвѣрѣнія и самоистребленія.

Въ зломъ дѣлѣ насажденія безвѣрія и безбожія, въ дѣлѣ осмѣянія и оплеванія воинской доблести, въ разрушеніи былой любви къ Отечеству, въ паденіи исконной вѣрности Царю, въ утратѣ уваженія къ высшимъ и старшимъ, во всемъ этомъ растлѣніи ума и сердца Русскаго Народа его совратительницей и погубительницей въ теченіи долгихъ лѣтъ наказомъ и показомъ была наша безсовѣстная либеральная интеллигенція. А за нею съ безумной слѣпотой, тѣмъ же путемъ, шли наша буржуазія, дворянство и придворная знать.

Мудрено ли было свихнуться простому, многого не выдававшему народу!

Теперешніе Охи и вздохи тѣхъ, кто соблазнилъ народъ и довель тѣмъ Россію до гибели, не свидѣтельствуютъ объ искреннемъ раскаяніи.

Искреннее раскаяніе, то раскаяніе, безъ котораго невозможно спастись, мы проявимъ лишь тогда, когда насятощей жертвой, душевнымъ и духовнымъ подъемомъ изъ всѣхъ силъ дѣйственно поможемъ Россіи и послужимъ великому дѣлу исправленія и возстановленія всѣхъ тѣхъ цѣнностей, которыя мы такъ безумно унижали и уничтожили.

Прежде всего мы должны послужить возрожденію души русскаго народа, возвеличенію святой вѣры православной, утвержденію доброй жизни церковной. Пастырямъ церкви предстоитъ пасти души вѣрующихъ чадь и вести ихъ по пути спасенія, намъ же, мірянамъ, надлежитъ заботиться о матеріальной сторонѣ церковной жизни. Въ этихъ заботахъ мы не смѣемъ забывать, что состоятельный чело-вѣкъ, допускающій свою мать до необходимости искать содержанія у чужихъ людей, считается чело-вѣкомъ недостойнымъ.

Церковь есть мать наша.

Если и впредь наша многолюдная и богатая православная колонія будетъ посылать свою мать по Парижамъ и Америкамъ побираться на свое содержаніе, — да будетъ намъ стыдно!

И тѣ прохладно вѣрующіе, которые утѣшаются частыми колѣнопреклоненіями и долгими стояніями на архіерейскихъ службахъ, пусть не заблуждаются въ спасительности своей вѣры, ибо не про нихъ ли сказано въ Св. Писаніи:

Вѣра безъ дѣлъ мертва есть...

— Это мертвая вѣра.

Б. Туръ.

Спасайте еврея!

За послѣдніе 1½-2 мѣсяца всѣ обычные темы отошли на страницахъ русской заграничной печати на второй планъ. Осталась одна — голодъ. И органы всѣхъ партій, всѣхъ видовъ и отгѣнковъ вдругъ начали любопытное состязаніе: кто громче и залиvistѣй крикнетъ „караулъ“. Иностранныя газеты тутъ-же подхватываютъ и пользуются случаемъ пустить очередную утку „на русскія темы“ и, заодно, по обыкновенію, лягнуть „проклятый царизмъ, перевоисточникъ всѣхъ золъ и бѣдствій“.

Но не кажется-ли читателямъ нѣсколько страннымъ тотъ дружный — и, главное, — не о ж и д а н н ы й гвалтъ, что поднять сейчасъ міровой (т. е. іудейской) прессой вокругъ русскаго голода? Тема явно, старательно и энергично муссируется, звучать знакомыя нотки статей эпохи дѣла Дрейфуса,

дѣла Бейлиса — и когда я читаю заголовки „спасайте русский народъ“ — мнѣ почему-то слышится... „спасайте Еврея!...“

Наводятъ на размышленія сыпавшіяся обильныя пожертвованія американскихъ, англійскихъ и французскихъ масонскихъ ложъ (см. отчеты въ заграничной печати). Нѣсколько страннымъ кажется и то, что до большевистскаго воззванія всѣ газеты, отлично зная о наличіи ужасающаго всероссійскаго голода — молчали о немъ, даже замалчивали, — помѣщая сообщенія объ улучшающемся якобы, подъ коммунистическою властью экономическомъ положеніи, — о томъ, что въ Россіи все настолько хорошо, что даже скоро можно торговать съ нею и т. д., и вдругъ — какъ будто мелькнула палочка невидимаго дирижера — раздался всеобщій „геультъ“! Да какой дружный!

Мнѣ кажется, что какой-нибудь слабонервный земгусарскій Маниловъ, проглядѣвъ начало этой замѣтки, — закроетъ глаза и застонетъ: ахъ какой ужасъ! Изъ слѣпой ненависти къ несчастнымъ евреямы, эти черносотенцы готовы обречь русскій народъ мукамъ голодной смерти!

Чтобы не дѣйствовать на слабые земгусарскіе нервы, схематизирую сразу-же свою мысль:

1) Помочь голодающимъ при настоящихъ условіяхъ физически невозможно.

2) Всякая посылка продовольствія въ Россію — убійство новыхъ сотенъ тысячъ русскихъ людей.

3) Посылка продовольствія нужна міровому іудо-масонству исключительно для спасенія гибнущей коммунистической власти, для „спасенія Еврея“.

Разберемъ, къ чему можетъ привести „помощь голодающимъ“, какъ ее понимаютъ Хуверъ, Нансенъ и Международный Комитетъ Помощи.

I. Самое вѣроятное: совнаркомъ дастъ сосредоточить въ Ревелѣ, Ригѣ — громадное количество продовольствія — а потомъ, инсценировавъ, какъ въ Грузіи, коммунистическое возстаніе, — захватитъ ихъ въ нѣсколько дней при помощи красной арміи. Служащіе въ ней русскіе генералы легко попадутся на удочку „возстановленія Великой Россіи“ и „бесплатной добычи продовольствія“ — а европейская дипломатія отъ неожиданности выронетъ изъ глаза монокль, выругается — и сброситъ со счетовъ Эстонію съ Латвіей, какъ уже сбросила въ свое время Грузію. Жертвовавшіе „на голодъ“ буржуа и капиталисты получаютъ отъ Бронштейна благодарность за усиленіе пайка чекистамъ, вохристамъ, китайцамъ комиссарамъ.

II. Предположимъ на минуту, что большевики окажутся достаточно наивными и слабыми, чтобы не тронуть сосредоточенныхъ у нихъ подъ рукою запасовъ. Предположимъ также, что Международный Комитетъ Помощи наконецъ въ состояніи будетъ приступить къ своей работѣ.

Сколько времени потребуется на то, чтобы привести въ исправное состояніе желѣзно-дорожное полотно отъ гра-

ницы до голодающих мѣстностей и пригнать со всей Россіи нужное количество сколько нибудь годныхъ паровозовъ и составовъ? Сколько за это время вымретъ народу? И сколько его вымираетъ сейчасъ, — во время предварительныхъ переговоровъ?

И дойдетъ-ли хоть одинъ изъ собранныхъ, составовъ — до Поволжья? Это можно было-бы еще допустить, если-бы эшелоны шли по сытымъ мѣстностямъ, въ которыхъ царствовалъ-бы порядокъ и если-бы эти эшелоны охранялись въ пути сытыми солдатами. А теперь, когда даже коммунистическія части не доѣдаютъ (отчего, собственно, и былъ поднятъ всемірный гевалтъ); когда разныя мѣстности отличаются одна отъ другой только тѣмъ, что одна голодаетъ нѣсколько больше другой, когда вся страна усѣяна повстанческими отрядами голодныхъ и озлобленныхъ крестьянъ — вѣдь ни одинъ транспортъ до Поволжья не доберется, этого могутъ не знать только тѣ, о спасеніи коихъ якобы заботятся — все равно погибнуть, что-бы ни дѣлалось международнымъ или какимъ инымъ „благотворительнымъ“ комитетомъ.

Къ тому-же, чтобы прокормить прежде всего своихъ клевретовъ, совнаркомъ конечно прикажетъ коммунистическимъ (и только коммунистическимъ) частямъ расположиться вдоль по артеріямъ снабженія — для регулярной инсценировки „ограбленія повстанческими бандами“.

Все описанное вѣроятно будетъ имѣть мѣсто даже при т. наз. „иностраннымъ контролѣ“ — ибо безъ онаго продовольствіе просто будетъ распределено между коммунистами, агентами „вохры“ и „чека“ — тѣми самыми, которые подкормившись и окрѣпнувъ — съ новыми силами начнутъ разстрѣливать тысячи обезумѣвшихъ отъ голода русскихъ мужиковъ, загоняя ихъ назадъ въ „голодную зону“...

III. Иностранцамъ при подобномъ положеніи вещей придется выбирать между двумя линіями поведенія: а) потерпѣвъ неудачу въ снабженіи особо-голодающихъ мѣстностей и накормивъ однихъ только коммунистовъ (намѣченная масонствомъ задача уже будетъ тѣмъ самымъ выполнена) — махнуть на все рукой — или б) начать своими средствами (вѣрнѣе собственными войсками) охранять эшелоны, т. е. такъ или иначе стать на путь интервенціи. Послѣдняя будетъ, конечно, имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если міровое іудо-масонство убѣдится въ неизбѣжности гибели коммунистической власти — и захочетъ взять инициативу движенія въ свои руки, дабы подсунуть русскому народу какое-либо суррогатное рѣшеніе (буржуазную республику или даже, въ крайнемъ случаѣ, парламентарную монархію). Не дай Богъ при подобныхъ обстоятельствахъ русскимъ монархистамъ, въ основѣ своей всегда бывшимъ истыми народниками — такъ или иначе связаться съ оккупантами, несущими на своихъ штыкахъ поработеніе русскому народу — какъ политическое, такъ и экономическое.

IV. Если бы сейчас иностранцы, такъ много кричащіе о помощи Россіи, преслѣдовали дѣйствительно гуманитарныя цѣли, а не плясали бы подъудку адептовъ пентаграммы — они сразу отдали-бы себѣ отчетъ, что — а) при наличіи коммунистической власти въ Россіи голоднымъ мѣстностямъ помочь ни при какихъ условіяхъ нельзя б) что единственный способъ спасти сотни тысячъ русскихъ жизней — дать внѣшній толчокъ къ сверженію этой власти. Подобный „внѣшній толчокъ“ былъ уже разъ (и не такъ давно) примѣненъ въ исторіи международныхъ отношеній. Надо-ли его напоминать? Неужели „забытъ“ знаменитый отвѣтъ президента Вильсона на первую германскую ноту о мирѣ? Вѣдь это было почти незамаскированное обращеніе къ народнымъ массамъ помимо ихъ правительства и противъ него. Вѣдь ясно вытекало изъ американскаго отвѣта: „вы хотите мира? Мы его вамъ дадимъ. Но прежде — сбросьте свое правительство!“

Если-бы сейчасъ всѣ пославшіе въ „Межд. Ком. Помощи“ своихъ представителей правительства не дѣйствовали (сознательно или безсознательно) по іудейской указкѣ, они могли-бы въ опредѣленный день со всей западной русской границы отъ Сѣвернаго Ледовитаго Океана до Чернаго моря — послать въ глубь страны тучи аэроплановъ, которые забросали-бы на протяженіи ближайшихъ къ границѣ 200 верстъ всѣ населенныя мѣста воззваніями:

„Вы хотите хлѣба? Мы его вамъ дадимъ. Но прежде — сбросьте свое правительство!“

Если при этомъ назначить днемъ всеобщаго выступленія какой-нибудь ближайшій срокъ (напр. на слѣдующій день), — срокъ, въ который коммунисты не успѣли бы стянуть достаточно войскъ „особаго назначенія“ — я убѣжденъ, что въ одинъ день власть Бронштейновъ и имъ подобныхъ пала-бы какъ по мановенію волшебнаго жезла, на полосѣ въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ. Возстаніе получило-бы то самое, чего ему до сихъ поръ не доставало: ед ин о в р е м е н н о с т ь и п о в с е м ѣ с т н о с т ь. Потомъ можно было-бы поднять слѣдующую зону.

Однако — сейчасъ о подобномъ (самомъ простомъ) способѣ помочь несчастнымъ голодающимъ — никто не заикается. Наоборотъ — всѣ стремятся наладить отпавку къ границамъ Россіи возможно большаго количества продовольствія — на смерть русскому народу, для „спасенія Еврея“...

Кагалъ понимаетъ, что паденіе совнаркома будетъ при настоящихъ условіяхъ сигналомъ къ непримѣрному всероссійскому погрому — и мобилизуетъ всѣ силы, всѣ средства.

Вся шумиха вокругъ величайшаго національнаго бѣдствія — голода создана коммунистами не для помощи гибнущимъ, — только для того, чтобы подъ флагомъ переговоровъ о помощи исподволь подготовить себѣ признаніе иностранныхъ державъ, получить очередную „передышку“, выдушивъ заодно нужное количество продовольствія для прокормленія своихъ клевретовъ.

Надо надѣяться, что ихъ игра будетъ раскрыта и здоровое чувство самосохраненія удержитъ остальные народы отъ тяжкаго грѣха по отношенію къ Россіи — отъ помощи ея палечамъ.

Пора понять, что шутить съ русскимъ голодомъ нельзя и нельзя выѣзжать на палліативахъ. Если пошлютъ хлѣбъ — усилятъ большевиковъ и дадутъ лишній шансъ міровой революціи. Если оставятъ Россію въ теперешнемъ состояніи—голодъ можетъ бросить подъ краснымъ флагомъ „на западъ за хлѣбомъ“ миллионы людей, котормъ терять нечего...

Устоятъ-ли старый Западъ?

Россія теперь искупаетъ свой великій грѣхъ предательства и клятвопреступленія. Она его почти уже искупила. Страшная Божья кара приближается къ концу. Уже сейчасъ въ неописуемыхъ мукахъ, въ крови и рыданіяхъ сотенъ тысячъ жертвъ, — рождается то Выстраданное, Великое и Свѣтлое, что снова приведетъ нашу родину подъ сѣнь великихъ и святыхъ историческихъ началъ: Православія, Самодержавія, Народности...

Но какими путями? Не черезъ трупъ-ли близорукой, недаленовидной Европы?

Объ этомъ ей надлежитъ подумать самой.

12 (25) августа 1921 г.

Г. Лукьяновъ.

Не съ того конца.

(Къ борьбѣ съ русскимъ голодомъ.)

Хорошее дѣло часто не спорится только потому, что берутся за него не съ того конца. Хорошее дѣло начинали генералы Деникинъ, Колчакъ, Врангель — Россію освободить, но не совершили. А вѣдь случилось, большевикъ былъ окруженъ и чуть ли не весь міръ шумѣлъ на него: „онъ порча, онъ чума, онъ язва всякихъ мѣстъ“, но большевикъ слушаетъ и до сихъ поръ все ѣстъ... Почему? Спорунѣтъ: большевикъ озорникъ, воръ, кровосось... Но вѣдь этого озорника кто нибудь родилъ, за нимъ кто нибудь ходилъ, растилъ, пока онъ весь міръ не поднялъ на дыбы? Да, его скоропостижно родила маменька революція въ лѣто отъ Рождества Христова 1917-е, отъ торжества же Масонскаго кагала въ 1-е, во столицѣ Государства Россійскаго, въ весенній мѣсяцъ мартъ. Объ этомъ въ интернаціональных метрикахъ града Чикаго увѣковѣчено съ поясненіемъ: новорожденный зракомъ зѣло красенъ, волосомъ щетинистъ, гдѣ черенъ ово гдѣ рыжъ... очами свирѣпъ, горломъ крикливъ, языкомъ болтливъ, зубомъ ядовитъ, когтемъ остеръ, руками грабливъ, ногами блудливъ, чревомъ прожорливъ, съ признакомъ роговъ у чела и хвоста пониже спины. Принимала его бабушка заморская, знатная, „культурная“. Она весь его родъ старшій холила, крыла, кормила неменьше

какъ сто лѣтъ: хваленые декабристы, что царскую семью мечтали зарѣзать, чтобы на тронъ красавицу республику всадить, лихіе террористы, что били, взрывали всѣхъ, кто крѣпко Россію берегъ, и самъ красныхъ дѣлъ молодецъ, Боря Савинковъ, гораздый съ бомбами на охоту за князьями ходить — всѣ подъ ея крылышкомъ добрымъ находили пріютъ и покой. Бабушка вѣрная себѣ прислала новорожденному „пеленокъ красныхъ“, сама срядилась на радостяхъ въ „свободные флаги“ и прилежно слѣдила потомъ, какъ, всюду руками носимый, красный молодецъ рѣзвился по великой странѣ, словно въ люлькѣ на митингахъ качался, спалъ на здоровье подъ пѣсеньки Керенскаго Саши. Слыхала конечно бабка, что не безъ нянекъ внучекъ ея, знала что и няньки то какія, хотьбы въ пору Царскому сыну . . . Самъ Родзянко — голова говорильни россійской, Львовъ-князь демократъ первый хозяинъ „славнаго“ пира во время чумы, Милуковъ, мужъ науки, премудрый, и даже смѣлый генераль Рузскій, вояка. За ними другія толпились, но тѣ поблѣднѣе . . . Щетину, зубки, коготочки успѣшно малюткѣ растили людишки съ Руси, что за властью народной за добришкомъ чужимъ бараномъ бѣжали. Скоренько подросъ при уходѣ такомъ мальчуганъ. За восемь мѣсяцевъ онъ крѣпонько на ножкахъ стоялъ баловству его никто не перечилъ; тогда онъ нянекъ своихъ въ шею отъ себя разогналъ, а кого и угробилъ. Служекъ другихъ къ себѣ накричалъ, все больше жгучихъ брюнетовъ, изрѣдка рыжихъ, видно цвѣтъ красный имъ особо къ лицу. Завострилось, дѣловъ такихъ натворило „дите“, что вспохватились тогда генералы: „зачѣмъ мы праздно стояли, когда большевикъ нарождался и росъ, на маменьку съ няньками зачѣмъ засмотрѣлись?“ . . . Надумали въ розги его“ . . . Только розогъ своихъ мало-вато. Скорѣе къ бабкѣ за море . . . „А шалить ядовито питомецъ то твой — надо унять розочекъ бы . . .“ Подумала бабка: „розогъ берите, коль шалить, такъ сѣките, только въ мѣру, смотрите того . . . чтобъ не до смерти, всетаки внукъ“ . . . Прослышали няньки „безъ дѣла“, что бабушка генераламъ розогъ на помощь дала, и сами къ нимъ толпой на услуги; отомстить щенку, прощалыгѣ, злодѣю!

Не взирая на лукавыя бабкины мины, генералы хотѣли порусски — застѣчь шалуна. Окружили его съ запада, съ сѣвера, юга, съ востока, совѣмъ уже кончаютъ его и кончили бы . . . еслибы поменьше жалѣли маменьку красную, еслибы „нянекъ безъ дѣла“ отъ себя тоже прогнали. Но какъ же маменьку красную прогнать? Она у французовъ „друзей“, изстари въ великомъ почетѣ, Англія ждала ее на Русь безъ конца, наконецъ то дождалась, нѣжитъ, ласкаетъ ее, какъ дочку родную, можно ли послѣ того маменьку тронуть, ея чувства понятны, хоть шалунъ, а всетаки сынъ . . . Да и бабка сама, маменьку любить, того гляди за нее осерчаетъ, розги отниметъ, чѣмъ тогда сѣчь шалуна? И маменька всюду свободно гуляла всюду и людишекъ свободой дарила, землю, другое добришко, сулилась

навѣки за ними скрѣпить за ихни услуги сынку — шалуну. Маменька въ славѣ, какъ же тогда служанокъ ея обижать? Никакъ невозможно. И сѣли „няньки-служанки“, кто по-вострѣй, съ вождями за столъ, на дѣла, чтобы чуть по привычкѣ вправо заберетъ какой генераль, прикрикнуть ему: „Лѣвѣй!“ И виляли остатки Россіи то вправо, то влѣво, не смѣя сбросить съ себя подарочекъ маменьки красной — шапочку алую, пока та ей не закрыла глаза. „Шалунокъ“ росъ себѣ росъ, на всю Русь разметался и въ другія мѣста за море сталъ красный шарикъ искусно метать. Чуетъ бабка: „молодчина внученокъ то, хоть и лихой . . сѣчь ли его? Въ сторону розги! Пусть лучше везетъ мальчуганъ мнѣ добришко свое, что съ Руси натаскалъ, а я ему гостинчика дамъ . . . “ И у бабки со внученкомъ заиграли дѣла . . . Охъ, не съ того конца били генералы внученка, вотъ онъ и живъ до сего дня.

О прошломъ быломъ можно смѣяться ли плакать ли, оно все равно невозвратно, но о насущной то бѣдѣ, пока не поздно, надо подумать серьезно . . . Дожили! Комисары о гладѣ великомъ въ совѣтскомъ раю на весь міръ закричали . . . Давно бы пора! Мы уже знали, что древо жизни въ этомъ раю было срублено въ мартѣ семнадцатаго года, а съ древа познанія зла за четыре то лѣта всѣ яблочки сплошь распознали, да и самое древо на куски разодрали, чтобы отъ нечего ѣсть людямъ въ кусочки пойти, вотъ и пошли, наконецъ, въ кусочки, впереди всѣхъ новый „папаша народовъ“ — самъ Ленинъ изрядный.

Но откуда же голодъ въ раю? Кто посмѣлъ его тамъ насадить? Еслибы на Руси были Цари — не было бы прощѣ сей мудрый вопросъ разрѣшить. Проклятый царизмъ! Сейчасъ же весь строй перемѣнить — и всѣ будутъ сыты! завилы бы тотчасъ всѣ прогрессисты, „друзья человѣка“ . . . А нынѣ царей то ужъ нѣтъ . . . Такъ ктоже? Нелѣзя же сказать: проклятый жидизмъ . . . Огъ слова такого поперхнешься, прикусишь языкъ . . . такъ кто же наконецъ? Надо сыскать! Сыскалъ виноватаго самъ „папаша“ народовъ: „засуха!“ Она захватила десятокъ губерній . . . мужички отъ нея на колеса и бѣгутъ безъ оглядки, куда ни попало. Бѣжитъ колесная, мужицкая рать, благо бѣжать — это нынѣ модно, бѣжить на сѣверъ, на западъ, на югъ, на востокъ, того и гляди съ ней сбѣжитъ и весь строй коммуниста.

„А при Царяхъ то засухи бывали?“ кто то спросилъ комисара . . . „Еще бы при Царяхъ не бывать.“ По привычкѣ злобно комисаръ отвѣчалъ. „И мужички также тогда удирали отъ ней на колесахъ?“, — „Мужички . . мм . . . Справку въ исторіи сдѣлать! Подайте „Шишко“ — онъ молодецъ, всѣхъ Царей заплевалъ, у него навѣрное найдется какъ мужики при Царяхъ нетокмо что на колесахъ, но и на саняхъ отъ засухи удирали, . . . Принесли, повергѣли, поискали „Шишко“, но и сей историкъ великій не помнитъ, чтобы при Царяхъ, гдѣ нибудь на Руси мужики отъ засухи на колеса садились, бѣжали. „Прочъ же Шишко. Пособникъ

буржуевъ, подвелъ"... зарычалъ комисаръ „знаемъ одно: засуха во всемъ виновата; она русскій рай голодомъ дарить.“ — „Но какже, товарищъ, а самъ Петроградъ и другіе великіе грады русской земли, тамъ про засухи не слышно, тамъ дожди, рѣки, Нева... все какъ было — обычно, но и оттуда про голодокъ уже повсюду несется слухокъ.“ „Мм... Петроградъ... города... на нихъ наплевать! Пусть бюрократы, буржуи тамъ вымираютъ! Нынѣ въ модѣ мужикъ съ деревней своей, онъ страшноватъ, про него и толкуемъ..." — „Позвольте, товарищъ, въ прошломъ году засухъ на Руси не было вовсе, а голодокъ то и тогда уже всюду погуливалъ знатно. Откуда же онъ?" — „Что было то сплыло! Эко хватились: въ прошломъ году то былъ високосный, извѣстно несчастный. Сказано! Засуха во гладѣ виновна, она совѣтскій рай оскорбила..." — „Такъ чтоже, товарищъ, вашъ владыка, третій Интернаціональ продремалъ, онъ бы на съѣздѣ Московскомъ въ засуху то резолюціей красной пустилъ: пролетаріи всѣхъ странъ! вы всемогущи! тузите скорѣе засуху, что бы она такая сякая на всю Русь сейчасъ бы брызнула велими дождями..." — „Интернаціоналу было не до того..." — „глухо уже нылъ комисаръ, изъ „рая" то въ адъ развѣ охота крикъ посылать, не смѣетъ никто. Пропали бы совсѣмъ, еслибы не новый „папаша народовъ" — Ленинъ товарищъ, онъ разхрабрился во всю: „Бабенка милая, выручи еще на разокъ, дай передышечку внучку, хлѣбца пришли..."

„Ну и чтоже?" — „Извѣстно пришлютъ! Еслибы самъ мужикъ хлѣба просилъ, едвали бы дали, на то онъ и мужикъ, чтобы терпѣть, не кричать, его пѣвецъ — Некрасовъ поэтъ о немъ прозвучалъ: не бѣда, что потерпите мужикъ, такъ ведущее насъ Провидѣнье указало, онъ же и привыкъ". Но разъ самъ „папаша народовъ" вопить, нельзя отказать въ хлѣбѣ „папашѣ", помрутъ вѣдь безъ хлѣба его палаши, кто же будетъ тогда всемірный пожаръ зажигать." — „Ну конечно хлѣбца друзья подадутъ „папашѣ народовъ", согласились и мы, не откажутъ ему въ подаяныи, не умретъ онъ безъ крова зимой, но смѣшенъ человекъ подъ звѣздой и съ рукой."

Насъ однако занимаетъ вопросъ: если бабушка зернышекъ дать, то кому они по усамъ потекутъ, и кому вѣротъ упадутъ? Сами комисары невзначай разрѣшили вопросъ, когда съ совѣта шли, ручки свои счастливо потирая отъ удачъ: „Вотъ такъ мы! Деникину, Колчаку, Юденичу, Врангелю пить дали, самъ голодъ на насъ ополчился, мы и того побѣдимъ! Янки съ лордомъ великимъ насъ никогда не уморятъ, имъ мы нужны. Янки, правда хочеть, чтобы для раздачи хлѣба его комитеты свободно избранные по Руси завести... Ему комитеты? Такого добра у насъ хоть отбавляй — дадимъ и не скупясь и членовъ въ нихъ пусть выбираютъ свободно ль невольню ль, какъ имъ угодно, мы знаемъ твердо одно: пока у насъ китаецъ съ винтовкой грозитъ, наша краса — товарищъ Дзержинскій — „работку"

ведетъ, и сыны Палестины въ комисарахъ сидятъ и въ свободно избранныхъ комитетахъ у насъ будутъ свои, а чужимъ туда не попасть... Не на всѣхъ, конечно, русскихъ Янки съ лордомъ великимъ хлѣбца пришлютъ, всѣхъ развѣ укормишь, ишь ихъ развелось, сколько мы не били — все-таки много осталось. Но опять мы покойны: кто подѣ красной звѣздой, — хватить на тѣхъ, въ первый паекъ они попадутъ, а кто подѣ голоднымъ крестомъ, пусть пухнуть и мрутъ, намъ тогда тратить снарядовъ на повстанцевъ меньше придется... Снаряды нынѣ того... надо беречь! Царскимъ приходитъ конецъ... Деникинскихъ немного осталось, у Врангеля чуть прихватили, Колчаковскіе скоро Семеновъ отниметъ. Съ чѣмъ же мы останемся на Индійскій походъ, на помощь Кемалю? Къ бабушкѣ ѣхать за ними? Навѣрно откажетъ: на русскихъ, снаряды давала, а на своихъ скажетъ — шалишь... Въ кусочки пошли, такъ про пули забудьте. Развѣ за сырое наше подѣ добрую руку немножко отпустятъ. Охоча баба до сдѣлки. Да, ставка на „иностранцевъ“ въ борьбѣ съ русскимъ голодомъ понятна развѣ только въ обращеніи Св. Патріарха къ Англіи и Америкѣ, въ его „жажду“ съ русской Голговы... Въ его послѣднихъ, можетъ быть, вопляхъ: „доколѣ Господи!? Помогите, если Вы Христіане“. Душа Святителя истерзалась отъ посинѣлыхъ голодныхъ малютокъ, отъ несмолкающаго стона о хлѣбѣ ихъ матерей, и онъ всемірно вопіетъ о помощи, хотя бы за страшную цѣну, за отложеніе въ сторону вопроса о перемѣнѣ сатанинскаго порядка. „Нашъ затопталъ блѣдный конь голодной смерти, помогите скоро, иначе мы умремъ, скоро умремъ“ вопіетъ Патріархъ. Впрочемъ можетъ быть фразу „объ отложеніи въ сторону вопроса о перемѣнѣ порядка“ онъ писалъ подѣ револьверомъ еврея, или подѣ штыкомъ китайца, гдѣ нибудь въ кремлевскомъ казематѣ. Все возможно въ совѣтскомъ „раю“... Но только и больно: если хлѣбца дадутъ, а коммунизмъ устоитъ, то и съ хлѣбцемъ чужимъ намъ свой гладъ не избыть. „Злодѣйство съ голодомъ и моромъ неразлучны всегда“. Вѣримъ: иностранцы хлѣба дадутъ, хотябы за тѣ пять миллионовъ погибшихъ на войнѣ русскихъ жизней, которыми они побѣду купили себѣ, но должны дать при мудрыхъ словахъ: „палачи, комиссары, кусочники! растерзали заморили страну, а о хлѣбѣ кричите. Прочь же отъ власти, секундою прочь! При другой власти законной хлѣбъ Россіи дадимъ, а при васъ людоедахъ, ни зерна, ни пылинки. Пусть хоть въ клочки, наконецъ васъ раздеретъ терпѣливецъ народъ!...“

Если же хлѣба дадутъ комиссарамъ при „папашѣ народовъ“, то и дѣло хорошее опять не съ того конца начнутъ, а потому и дѣло погубятъ и Россію добьютъ и себѣ скоро отъ ликующихъ злодѣевъ бѣды наживутъ.

Протоіерей Вл. Востоковъ.

Германія и Монархическая Россія.

Поднятый въ русской эмигрантской печати шумъ о „германофильской оріентаціи“ Рейхенгальскаго Съѣзда, а слѣдовательно и всего русскаго монархическаго движенія, не имѣетъ подъ собою не только фактической, но даже и идеологической почвы. Это — обычный для нѣкоторой нашей печати фальшивый, не стѣсняющійся средствами, глубоко аморальный приѣмъ борьбы съ противниками: ни неправда, ни явная ложь, ни клевета, ни инсинуація не останавливаютъ этихъ господъ въ ихъ стремленіи „убить“ противника.

Монархическое движеніе, конечно, не можетъ не тревожить нашихъ претендентовъ на власть, вырванную революціей изъ рукъ историческаго строя. Не только стоящіе сейчасъ у власти большевики, но и сдавшіе имъ свои непрочныя позиціи болѣе умѣренные социалисты и радикальные либералы — Керенскіе и Милюковы, — отлично понимаютъ, что монархическое движеніе — совѣмъ не простая „реставрація“ русскихъ помѣщиковъ и старо режимной бюрократіи, а нѣчто гораздо болѣе сложное и болѣе для нихъ страшное: это — рѣшительное отрицаніе самой революціи, это — приближеніе момента историческаго возмездія обманутаго народа за пережитые имъ ужасы и испытанія революціей, за жестокое и бессмысленное разрушеніе вѣковыми трудомъ народа созданнаго государства, за позоръ и униженіе Россіи, причиненныя революціей и ея моральными виновниками — революціонерами, отъ Лениныхъ и Троцкихъ — до Керенскихъ, Милюковыхъ и присоединившихся къ нимъ въ послѣдніе годы даже представителей торгово-промышленной буржуазіи и землевладѣнія!

Монархическое движеніе, которое растетъ и будетъ расти не только въ русскихъ народныхъ массахъ, болѣе чутко и болѣе кровно осязающихъ и понимающихъ жизненное значеніе причиненныхъ революціей разрушеній, чѣмъ интеллигентные верхи народа, но и въ этихъ самыхъ интеллигентныхъ верхахъ, при томъ въ самыхъ различныхъ направленіяхъ, — отъ самодержавныхъ до парламентарныхъ, — это не политическая реакція, а глубоко жизненное, положительное усиліе, напряженіе народной воли въ стремленіи народа къ самосохраненію, въ борьбѣ за существованіе. А это стремленіе въ самомъ принципѣ, въ самомъ корнѣ своемъ не можетъ не быть направленнымъ прежде всего противъ революціи и — тѣмъ самымъ — противъ ея моральныхъ виновниковъ. Будетъ ли реставрація, возстановленіе законной, исторической, эволюціонной государственной власти такой, какъ ее представляютъ и желаютъ монархисты, — или форма и пути ея будутъ нѣсколько другими, но историческая ея сущность будетъ непремѣнно и глубоко противореволюціонной: народъ прежде всего признаетъ революцію за величайшее зло для него и для Россіи; народъ рѣшительно отвергнетъ основной политическій лозунгъ революціи — республику; народъ еще болѣе крѣпко, чѣмъ въ предшествующія столѣтія своего историческаго существо-

ванія, будетъ поддерживать и — уже болѣе сознательно — цѣнить монархическій принципъ верховнаго государственнаго управленія; народъ пойметъ, кого ему нужно поддерживать въ той сумбурной борьбѣ за власть, какая сопровождаетъ начинающійся процессъ политическаго возстановленія Россіи изъ развалинъ и хаоса революціи, — народъ пойметъ, что не въ его интересахъ поддерживать въ этой борьбѣ революціонеровъ, что самые страшные реакціонеры историческаго строя все же были меньшими врагами интересовъ народа, чѣмъ тѣ революціонеры, которые довели Россію до такого безпримѣрнаго паденія и разрушенія! Монархическое движеніе, по самой природѣ, по самой сущности своей не примиримо съ русской революціей и со всякой революціонной властью, — не только большевистской, но и съ властью временнаго революціоннаго правительства — князей Львовыхъ, Милюковыхъ, Керенскихъ. Оно не на животь, а на смерть будетъ бороться со всякой изъ этихъ властей, вотъ почему кн. Львовы, Милюковы, Керенскіе и т. п. ведутъ столь же непримиримую борьбу съ монархическимъ движеніемъ. А по своей старой, дурной, подпольно-революціонной привычкѣ, они борются не какъ честные, открытые, достойные противники, а какъ революціонные гешефтмахеры, пользующіеся въ борьбѣ съ „царизмомъ“ — подложными царскими же грамотами; переодѣваніемъ въ генеральскіе и придворные мундиры; въ случаѣ возможности — убійствами изъ-за угла; низкопробной игрой на дурныхъ инстинктахъ толпы — вродѣ разукрашиванія и смакованія Распутина; словомъ — всяческой неправдой, ложью, клеветой, и т. д.

Недурнымъ — съ ихъ точки зрѣнія — средствомъ въ борьбѣ съ монархическимъ, антиреволюціоннымъ движеніемъ является „германофильская оріентація“ монархистовъ. Есть она въ дѣйствительности, или нѣтъ — не всякій разберется; а припугнуть русскаго человѣка симпатіями монархистовъ къ „злѣйшимъ врагамъ русскаго народа“ — германцамъ иной разъ можетъ и удасться; вызвать нѣкоторую тревогу и недовѣріе къ монархическому движенію у союзниковъ, могущихъ опасаться союза Германіи съ монархической Россіей, — и того легче. Вотъ вамъ цѣль Милюковыхъ и Керенскихъ, все еще мечтающихъ о власти въ революціонной Россіи, уже и достигнута, хоть и не очень прочно,

Правда и истина этихъ господъ въ такихъ случаяхъ — мало интересуютъ. Гдѣ данныя, документы, доказывающіе „германофильскую оріентацію“ Рейхенгальскаго Съѣзда и монархистовъ? — Ихъ нѣтъ! То, что Рейхенгальскій Съѣздъ „не призналъ Версальскаго договора, заключеннаго безъ участія національной Россіи, „вполнѣ отвѣчаетъ духу многихъ изъ заявленій, сдѣланныхъ и на собраніи б. членовъ Учредительнаго Собранія, и на Съѣздѣ Торгово-промышленниковъ и на Національномъ Съѣздѣ. Правда, этотъ послѣдній возлагалъ какія то смутныя надежды на ст. 116 Версальскаго договора въ смыслѣ участія Россіи въ выгодахъ державъ побѣдительницъ. Но существо дѣла отъ этого туманнаго построенія Націо-

нального Съѣзда не мѣняется. Всякій русскій съѣздъ, стоящій на русской національной почвѣ, не можетъ не подчеркнуть оскорбительности факта заключенія Версальскаго договора безъ участія Россіи, понесшей такія жертвы въ пользу союзниковъ. Конечно, это оскорбленіе Россіи было нанесено исключительно по милости революціи, фактически снявшей Россію съ международнаго счета, — такъ какъ — въ ноябрѣ 1918 г. — уже не было той Россіи, которую можно бы было пригласить на международное судбище въ Версалѣ! Вотъ почему тамъ были Боливія, Куба, Эквадоръ, Гватемала, Гаити, Геджасъ, Гондурасъ, Либерія, Никарагуа, Панама, — была Польша, но не было Россіи!

И для подлинной, національной Россіи, конечно, этотъ крупнѣйшій международный актъ, о которомъ даже англичанинъ Кеупес сказалъ, что онъ созданъ „съ открытымъ нарушеніемъ священнѣйшихъ обязательствъ со стороны побѣдителей“, — тѣмъ болѣе не можетъ имѣть обязательной моральной силы. Фактическая же сила международныхъ актовъ, какъ извѣстно, основывается на реальной силѣ, а совѣмъ не на моральной. Если побѣжденная Германія въ этомъ вопросѣ сходитъ съ оскорбленной Россіей, — но не Россіей большевиковъ и Временнаго Правительства, а съ подлинной, національной Россіей, каковой будетъ будущая монархическая Россія, — то въ этомъ, конечно, нѣтъ никакой „германофильской оріентаціи“ монархистовъ. Даже русская Милюковско-Керенская республика, если ей суждено снова промелькнуть — конечно, метеоромъ — на горизонтѣ русской исторіи, и та — можно думать — предъявить Версальскому договору нѣкоторыя національныя претензіи.

Намъ говорятъ далѣе, что Германія можетъ воспользоваться монархической Россіей для своихъ политическихъ цѣлей. Отчего же, конечно, можетъ. Вѣдь могла же республиканская Франція воспользоваться монархической, даже самодержавной — при Александрѣ III — Россіей для своихъ политическихъ цѣлей? Вѣдь могли же тѣ же г. г. Милюковы усердно проводить „англофильскую оріентацію“, безспорно ставившую Россію въ явно и совершенно служебное положеніе въ неизбежно предстоящемъ столкновеніи между Англіей и Германіей, и не думать, что это можетъ повести къ использованию Россіи даже не для ея собственныхъ политическихъ цѣлей? Вѣдь могла же — въ исторіи международныхъ отношеній — возникнуть мысль и объ англо-французско-германскомъ союзѣ, и о союзѣ русско-французско-германскомъ? *). А съ другой стороны, кому же неизвѣстно, что съ точки зрѣнія длительного, историческаго процесса политическаго развитія, интересы Германіи въ достаточной мѣрѣ противорѣчивы не только интересамъ Англіи и Франціи, но и интересамъ Россіи, и что поэтому Германія не можетъ быть заинтересована въ чрезмѣрномъ политическомъ укрѣпленіи Россіи, какъ никогда не были въ этомъ заинтересованы ни Англія, ни Франція. Всякому грамотному человѣку

ясно, что въ международныхъ отношеніяхъ нѣтъ ни „друзей“ ни „враговъ“, а тѣмъ болѣе „злѣйшихъ“, а есть только борьба интересовъ, и стремленіе каждой стороны въ возможно болѣе полной мѣрѣ удовлетворить прежде всего свои собственные, національные интересы. Но въ этой борьбѣ никогда нѣтъ и не можетъ быть исключительной односторонности, исключительнаго эгоизма: выгода и необходимость заставляють дѣлать уступки соудьямъ, даже поступаться своими интересами, чтобы добиться какой-то наилучшей, наиболѣе выгодной — въ данный моментъ и при данныхъ условіяхъ — средней равнодѣйствующей. Съ этой точки зрѣнія, конечно, вполне возможно, что Германія будетъ идти за одно съ монархической Россіей, но совершенно такъ же какъ она — до извѣстной степени — шла за одно даже съ совѣтской властью, а не то, что съ будущей республиканской Россіей Милюкова Керенскаго. Но съ этой же монархической Россіей съ такимъ же успѣхомъ могутъ пойти за одно — и въ своихъ собственныхъ политическихъ интересахъ, и въ интересахъ самой Россіи — какъ республиканская, трудно примиримая съ Германіей, Франція, такъ и парламентарная Англія, которая — какъ это, можетъ быть, ни не ожиданно для нашихъ политиковъ — уже теперь, когда еще Версальскій договоръ далеко еще не сталъ завершившимся фактомъ, дѣлаетъ нѣкоторые шаги въ сторону Германіи, не совѣмъ къ удовольствію Франціи. Кому-кому, а Милюкову — и даже Керенскому — все это совершенно ясно и понятно. И если они — въ борьбѣ съ монархистами — позволяютъ себѣ пользоваться орудіемъ явныхъ, но — для нѣкоторыхъ — страшныхъ фикцій вроде „германофильской оріентаціи“, то это только потому, что они привыкли къ нечестнымъ и грубо-вульгарнымъ, демагогическимъ приемамъ борьбы. Русскіе монархисты — реальные политики, а потому они въ такой же мѣрѣ германофилы, какъ и англофилы, и франкофилы и какіе угодно „филы“, — въ дѣйствительности они — только руссофилы, только интересы Россіи являются истиннымъ центромъ ихъ внѣшней политики: та внѣшне-политическая комбинація, которая въ наибольшей возможной мѣрѣ будетъ полезной въ дѣлѣ возстановленія разрушенной революціей Россіи, фактически и опредѣлитъ ихъ международную „оріентацію“. Это отлично понимаютъ и сами нѣмцы. М. фонъ-Шейбнеръ-Рехтеръ, оцѣнивая — въ „Ауфбау“, № 2/3 — Рейхенгальскій Съѣздъ и его главную идею, что „только возстановленіе твердой монархической власти въ состояніи возстановить порядокъ въ Россіи“, а тѣмъ самымъ возродить ее и въ хозяйственномъ отношеніи, говорить: „Эти выводы должны быть признаны всѣми народами и — въ первую очередь — прежними русскими союзниками, Англіей и Франціей, которыя обязаны помочь русскимъ національнымъ силамъ, въ лицѣ Высшаго Монархическаго Совѣта, возстановить законный порядокъ въ Россіи. Если этого еще не допускають сталкивающіеся международные интересы мы — нѣмцы — во всякомъ случаѣ имѣемъ полное основаніе не только высказы-

вать русскимъ патриотамъ симпатіи на словахъ, но по мѣрѣ силъ помочь и на дѣлѣ. Это мы должны сдѣлать какъ въ интересахъ національной Россіи, такъ и въ интересахъ нашей поверженной родины.“

То же самое и съ той же реально политической мотивировкой, не забывающей своихъ собственныхъ интересовъ, могли бы сказать и Англія, и Франція. Конечно, если они имѣютъ въ виду другую, еще болѣе для нихъ выгодную комбинацію, напр. комбинацію Милюковско-Керенской республики, съ абсолютнымъ закрѣпленіемъ политическаго раздробленія Россіи, а не съ „широкимъ автономнымъ устройствомъ окраинъ“, какъ формулировалъ Рейхенгальскій Съѣздъ, то они не пойдутъ по пути, на который ихъ приглашаетъ Шейбнеръ-Рихтеръ. Но что отвѣчаетъ въ большей мѣрѣ интересамъ Россіи — первый, или второй путь, въ этомъ, вѣроятно, не сомнѣваются и сами Милюковы-Керенскіе. И если, въ интересахъ все же обладанія властью въ будущей Милюковско-Керенской республикѣ, они стоятъ за республику, противъ монархіи, это говоритъ только о дѣйствительномъ уровнѣ ихъ любви не къ Родинѣ, а къ власти.

Германія надѣется на экономическое использование возстановленной Россіи. Конечно, — и она имѣетъ наибольшія къ тому хозяйственныя возможности. Это — вѣрно. А развѣ Англія, Франція и другія государства, имѣвшія экономическое общеніе съ старой, Царской Россіей, не надѣются успѣшно конкурировать въ этомъ отношеніи съ ближайшей географической сосѣдкой Россіи — Германіей? И развѣ то, что Россія будетъ Монархіей, а не республикой, будетъ служить имъ въ этомъ препятствіемъ? И обратно, развѣ даже Милюковско-Керенской республики, вмѣсто Россіи, не въ состояніи будетъ экономически использовать также Германія, независимо отъ того, будетъ ли она такой же „соціалистической“ республикой, или же — возрожденной германской Имперіей?

Такъ расшифруйте же, господа російскіе республиканцы, вашу обвинительную по адресу монархистовъ формулу германофильской оріентаціи, т. е. докажите — документально — что она дѣйствительно существуетъ, и въ чемъ именно она выражается. Иначе, вамъ одно только можно сказать: клеветайте и провоцируйте!

Бѣлградъ, 5. Сентября 1921 г.

Проф. Т. Локоть.

О вертикальной войнѣ.

Сегодня я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ о той войнѣ, которая намъ всѣмъ, просвѣщеннымъ людямъ, объявлена и никогда не прекратится. Это не международное столкновеніе, бросающее ужасъ и разрушеніе черезъ границы государствъ; это не такое кровопролитіе, начало коему по-

ложено во имя любви къ такому то отечеству или ради преданности такимъ то творческимъ народнымъ завѣтамъ.

Врагъ нашъ вѣками готовился къ этой войнѣ. „Пролетаріи всѣхъ странъ объединяйтесь“ кричалъ онъ и не жажда мирныхъ достижений вдохновляла его. Не къ творческимъ единеніямъ шелъ онъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда недомысленно воображалъ, что идетъ по тому пути, по которому придвигается человѣчество къ свободной работѣ. Злые и освѣдомленные разрушители толкали его на стезю злобы и разрушенія, произнося слова, въ которыхъ лживо говорилось о справедливости и красотѣ. Недоразвитые люди съ короткими мыслями и цѣпкими руками жадно прислушивались къ тому, что обѣщало имъ наживу. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ душа не была пропитана преступностью, улавливались лукавымъ словомъ, а въ другихъ, злыхъ и на все готовыхъ, душа радостно и кроваво договаривала угрозу до конца. Не подумайте, что я тутъ говорю только о низшихъ слояхъ населенія, о рабочихъ, о черни. Съ такою же легкостью какъ они пошли на предательство Родзянки, Львовы и Керенскіе, подкупленные мыслью о власти, для многихъ изъ нихъ не въ ущербъ мыслямъ о милліонахъ всероссійскаго Императорскаго золотого запаса. На ряду съ той арміей, которая воюетъ и будетъ воевать противъ насъ, не забудемъ ея вождей. Армія, о которой я говорю, находится повсюду, во всѣхъ государствахъ, и повсюду для нея имѣются вожди. Вожди эти быстро смѣняющіеся и вянушіе въ блескъ своего гнуснаго позора, называются Родзянками и Лениными въ Россіи, въ Венгріи именуются графъ Карольи и Бэла-Кунъ, много, численны въ Парижѣ и Прагѣ, быстро чередуются на престолѣ гнусности, но все же въ сущности несмѣняемы, ибо каждый народъ и каждое общество имѣютъ своего дежурнаго предателя и негодяя.

За вождями идетъ толпа, носительница измѣны. Ради Бога, не подумайте, что я хочу говорить во чтобы то ни стало о Русской толпѣ, о двѣнадцати милліонахъ дезертировъ и о тѣхъ безчисленныхъ, якобы, интеллигентахъ, которые у насъ создавали себѣ гнусный успѣхъ на отрицаніи и преданіи всего роднаго и творческаго. Вертикальная война, т. е. та, которая ведется не между народами, не вправо или влѣво по рисунку географической карты, а снизу вверхъ, рубежей не вѣдаетъ потому, что Отечества не признаетъ. Въ этомъ и заключается сущность и смыслъ этой войны. Ненавидящіе законъ пошли противъ творцовъ закона, негодующіе при мысли объ Отеествѣ возстали противъ защитниковъ своей Родины, жадно оскалившіе зубы на чужую собственность познали безнаказанность грабежа, тупорылые души клокочутъ злобой при мысли о красотѣ, о наукѣ, объ искусствѣ. Тѣ недавніе вожди, которые по искривленности мышленія своего вздумали было служить черни и искать себѣ прославленія въ путяхъ окровавленной, болтовни, сами конечно ужаснулись, когда увидѣли, что

чернь не искала ни свободы печати, ни равноправія женщинъ ни свободы совѣсти, ни ничѣмъ не стѣсняемыхъ выборовъ, а тѣмъ болѣе не мечтала о томъ, чтобы бывшего князя Львова переодѣть въ Робеспьера, Родзянку загримитовать Дантономъ и цѣлой шайкѣ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ предоставить министерскія должности. Вертикальная война, давно подготавливавшаяся, объявлена была всему міру въ день отреченія Государя Императора Николая II отъ Престола. Прогарцовали впередъ Гучковы и Керенскіе, просунулись на маховую поверхность многообразныхъ Львы Гольдштейны и стали писать доносы о подлежащихъ аресту такихъ то „величайшихъ консерваторахъ“, вся шушера недомысленной уличной интеллигенціи закутермилась, курсистки кричали „ура“ революціоннымъ войскамъ... и вся эта мѣшанина пошлости, интеллигентнаго лакейства, безграничнаго предательства и дикой общественной осатанѣлости была отмечена тѣми, которымъ бывшіе князья Львовы, Родзянки и даже Черновы были нужны только какъ шабазгои революціи. Твердо и опредѣленно выдвинулась вертикальная война. Началась она, разлилась кровью и позоромъ по всему лицу земли родной, съ такою силою, что многихъ обуялъ ужасъ при мысли: „да неужели могло быть столько крови и неужели могло быть столько стыда?“ И нашихъ необъятныхъ пространствъ оказалось мало. Перекинулась вертикальная война черезъ черту нашего рубежа. Сверкнула она кровью и грязью въ Германіи, въ Австріи и въ Венгріи, схватила за горло Голландію и Скандинавскія страны, безуміемъ напирала на Италію, угрозою замахнулась надъ Франціею и рычаніемъ своимъ. Англію потрясла. Французскіе и Великобританскіе государственные люди трепещутъ передъ этою опасностью, изворачиваются, мучительно улыбаются, стараются понравиться наступающимъ убійцамъ и заслонить своею трусостью пугающій оскалъ зубовъ надвигающагося разбойника. Всему міровому строю объявлена война и всюду среди интеллигенціи появились предатели. У всѣхъ народовъ имѣются свои многочисленные Милюковы, на все и ни на что неспособные Родзянки; пустопорожніе бывшіе князья Львовы и огалтѣлыя Брешко Брешковскія. Даже такой невѣроятно даровитый человѣкъ какъ Anatole France желаетъ быть какъ бы прихвостнемъ мерзкаго предателя Максима Горькаго. Альберъ Тома конечно перешеголялъ нашихъ Павловъ Игнатьевыхъ, лукавыхъ Поливановыхъ, а недавно еще населявшія югъ Россіи французскія войска показали намъ совершенно неожиданныя свойства. Ллойдъ Джордж пугливо и краснорѣчиво расшаркивается передъ великобританскими Черновыми и Дыбенко, въ Греціи Аѣины ниспадають духомъ передъ Салониками, Константинополь корчится въ судорогахъ, Бѣлградъ теряется безъ точекъ опоры, Вѣна обезумѣла... и надо всѣмъ господствовать страхъ. Не мы объявили вертикальную войну. Ее объявили намъ. Мы должны умѣть ее вести. Силою закона будемъ бороться съ врагами законности, мощью церкви объединимъ

сердца боящихся только Бога, словомъ школы спасемъ и закалимъ души, силою нашей любви къ Отечеству посраимъ усилюе безотечественныхъ. . . .

И къ чему ни привела бы.
Намъ грозящая вражда, —
Помни, что лишь трусы слабы,
Что въ уныніи бѣда
И, съ судьбой отважно спора,
Ты, пока душа жива,
Засѣвай равнину горя
Сѣменами торжества.

У насъ, любящихъ свою Родину, просвѣщенныхъ людей, у насъ, царелюбивыхъ и Боголюбивыхъ сыновъ Родины, также какъ у всѣхъ сыновъ творческаго просвѣщенія и озаряющей правды, — имѣется единое, великое, непобѣдимое оружіе: сила нашего созидательнаго вдохновенія. Правдивымъ вдохновеніемъ управляется человѣчество, а не ложью нашихъ одичалыхъ и злыхъ враговъ.

Боже, дай намъ Царя поскорѣе!

Кн. Дм. Голицынъ Муравлинъ.

Все для отечества, все для социализма.

**Дѣятельность Капина 1-го
ранга Чаплина.**

1. За два мѣсяца до переломота, подъ фамиліей Полковника Томсона, конспиративно, будучи уже къ этому времени неоднократно приговоренъ чрезвычайкой къ расстрѣлу, подготовлялъ Сѣверную Область къ изгону изъ нея большевиковъ, организовывалъ офицерство и крестьянъ, организовалъ Шенкурское возстаніе, для того, чтобы оттянуть силы Красныхъ отъ Архангельска. Началъ самостоятельно и кончилъ благополучно переговоры съ Англійскимъ Правительствомъ по вопросу о приходѣ союзниковъ въ Архангельскъ.

2. Поднялъ въ ночь съ 1-го на 2-е августа Сѣверную Область и освободилъ ее отъ большевиковъ.

3. По приходѣ союзниковъ сговорился съ Союзнымъ Командованіемъ о формированіи

Дѣятельность Н. В. Чайковскаго.

1. Весь июль находился внѣ Архангельска, жилъ въ полной безопасности, никакого личнаго участія въ организаціи возстанія не принималъ.

2. Прибылъ въ Архангельскъ за 2 — 3 дня до захвата Архангельска Капитаномъ 1-го ранга Чаплинымъ (на готовое) и по своему приѣздѣ уговорилъ Капитана 1-го ранга Чаплина дать свое согласіе на занятіе Чайковскимъ поста Предсѣдателя Верховнаго Управленія въ Сѣверной Области, торжественно заявивъ Капитану 1-го ранга Чаплину, что формируемая Чайковскимъ власть будетъ безпартійной.

3. Сформировалъ Правительство изъ 8 членовъ, изъ коихъ 7 социалистовъ, причемъ Правительство это съ мѣста повело активную узкопартійную работу.

русскихъ войскъ и этимъ отстоять честь русской арміи, такъ какъ союзники желали зачислять всѣхъ штабсъ и оберъ офицеровъ русской арміи въ англійскіе Славянобританскія войска рядовыми подъ команду англійскихъ офицеровъ.

4. Провелъ лично всю подготовительную работу по проведению въ Сѣверной Области мобилизації. Приступилъ къ формированію Русской Сѣверной Бѣлой Арміи. Руководилъ лично боевыми операціями.

5. Добился согласія Англійскаго Правительства на присылку изъ-за границы всѣхъ русскихъ офицеровъ на счетъ Англійскаго Правительства съ выдачей имъ обмундированія и проѣздныхъ.

6. Организовалъ выдачу голодному населенію Области продовольствія изъ складовъ союзниковъ.

7. Настоялъ передъ Англійскимъ Командованіемъ и Англійскимъ Военнымъ Министромъ о необходимости присылки въ Сѣверную Область цѣлаго ряда лицъ, въ томъ числѣ указавъ и на генерала Евгенія Карловича Миллера, который, былъ вызванъ въ Сѣверную Область послѣ настояній Капитана 1-го ранга Чаплина передъ Англійскимъ Главнокомандующимъ.

Съ августа 1918 по февраль 1920 года непрерывно принималъ участіе въ организаціи Русской Арміи и въ постоянныхъ бояхъ съ большевиками. Послѣ эвакуаціи Архангельска, Капитанъ 1-го ранга Чаплинъ очутился безъ всякихъ средствъ и нынѣ принужденъ зарабатывать свой хлѣбъ тяжелымъ трудомъ.

4. Всѣ социалисты члены Правительства оказались со-трудниками газеты „Возрожденіе Сѣвера“, на которой рядомъ съ фамиліями министровъ—Чайковскій, Гуковскій, Масловъ, Лихачъ, Дѣдусенко, Мартюшинъ, Ивановъ—красовались фразы: „Общая социалистическая газета“ и „пролетарій всѣхъ странъ объединяйтесь“.

5. За своей подписью выпустилъ декретъ объ объявленіи краснаго флага національнымъ русскимъ флагомъ. Этотъ приказъ по приказанію Командующаго всѣми вооруженными силами Сѣвера, Капитана 1-го ранга Чаплина, былъ правительствомъ отмененъ.

6. Усиліями Правительства возглавляемаго Н. В. Чайковскимъ была организована пропаганда среди населенія противъ союзниковъ и противъ мобилизації, къ которой готовился Капитанъ 1-го ранга Чаплинъ.

7. Подтвердилъ всѣ декреты большевиковъ по рабочему законодательству.

8. Велъ переговоры съ Иностранными представителями о продажѣ всего лѣса Сѣверной Области иностранцамъ.

9. Въ бытность свою въ Архангельскѣ Главой Правительства перевелъ на свое имя за границу тысячи фунтовъ, на кои господа социалисты по сейчасъ живутъ безъбѣдно.

Когда чаша терпѣнія Капитана 1-го ранга Чаплина переполнилась онъ, будучи Командующимъ всѣми вооруженными силами Сѣверной Области, въ ночь на 6 сентября 1918 года арестовалъ весь составъ Правительства и отправилъ его въ Соловецкій Монастырь, лишивъ этимъ г. г. Чайковскихъ, Лихачей, Масловыхъ и К-о всякой возможности вернуться къ власти.

Этого Н. В. Чайковскій ни при какихъ обстоятельствахъ простить Капитану 1-го ранга Чаплину конечно не могъ.

И вотъ въ Лондонѣ 11 августа, на собраніи мѣстной колоніи, социалистъ Н. В. Чайковскій при оглашеніи списка кандидатовъ въ Комитетъ помощи голодающимъ позволилъ себѣ встать и заявить энергичный протестъ противъ кандидатуры кап. Чаплина „по личнымъ мотивамъ“, какъ онъ объяснилъ въ отвѣтъ на недоумѣнные запросы.

Такимъ образомъ, этимъ гнуснымъ заявленіемъ Чайковскій, этотъ „социалистическій патріархъ“ показалъ, что личная месть, сведеніе личныхъ счетовъ, для него, какъ социалиста, гораздо важнѣе, чѣмъ интересы голодающаго „обожимаго“ имъ народа.

Конечно, его открытое заявленіе было рассчитано на подленькій эффектъ среди лѣвой части собранія, что могло бы оказать вліяніе на исходъ баллотировки. Нечего и говорить, что Чаплинъ былъ забаллотированъ и г. Чайковскій можетъ быть доволенъ, что онъ устранилъ отъ дѣла помощи голодающимъ энергичнаго работника!

Лондонецъ.

Открытое письмо.

Многоуважаемый Господинъ Редакторъ.

Исполняю свое обѣщаніе сообщить кое что относительно настроеній, царящихъ въ Россіи въ послѣднее время моего тамъ пребыванія. Я главнымъ образомъ коснусь крестьянства, т. к. съ рабочими мнѣ пришлось обстоятельно говорить не такъ часто, какъ того хотѣлось бы и потому я могу судить о нихъ больше по словамъ другихъ лицъ, ближе къ нимъ стоявшихъ, и заслуживающихъ полного довѣрія; изъ ихъ словъ приходится заключить, что настроеніе рабочихъ теперь мало чѣмъ отличается отъ настроенія крестьянъ.

Отношеніе крестьянства въ настоящее время, не только къ коммунизму (къ которому оно впрочемъ никогда не тяготѣло), но къ революціи вообще, выражается не разъ слышанными мною словами крестьянъ: „а ну ее совсѣмъ и съ землею“. Причина такого отвращенія даже къ своей кормилицѣ землѣ, главному опорному пункту всей докоммунистической агитации, безусловно кроется въ слѣдующемъ: во первыхъ, въ полномъ разрушеніи крестьянскаго хозяйства

даже у бѣдняковъ сельско-хозяйственной алхиміей коммунистовъ, отбившихъ у мужика всякую охоту работать и уничтожившихъ совершенно его живой инвентарь, безъ котораго земледѣліе немислимо въ Россіи; во вторыхъ, въ томъ, что крестьяне убѣдились наконецъ, правда, немного поздененько, въ невозможности справиться съ землей собственными средствами. Если бы крестьяне могли какъ нибудь спѣться въ цѣляхъ совмѣстной работы, они еще пожалуй, съ грѣхомъ пополамъ кое что сдѣлали бы: но крестьяне — не общественники, а тѣмъ болѣе — не коммунисты и поэтому пальцемъ не пошевеливъ на помощь сосѣду. Стоитъ только вспомнить обычныя распри при дѣлежѣ надѣловъ, покосовъ и пр.

Всѣ мѣропріятія и наставленія коммунистовъ не привели ни къ чему, кромѣ уничтоженія послѣдняго жалкаго достоинства мужика, который, кажется теперь вполне раскусилъ истинную политику Лейбы Бронштейна, Апфельбаума, Нахамкеса, Розенфельда и прочихъ персонажей *Almanach de Golgotha* (въ отличіе отъ Готскаго альманаха). Итакъ, коммунизмъ въ чисто народной средѣ не нашелъ себѣ сочувствія, какъ идея общественнаго устройства, и только могъ послужить поводомъ къ грабежамъ, прикрытымъ всевозможными иностранными этикетами (ибо русскіе были бы слишкомъ непристойны): реквизиція, конфискація, социализація, націонализація, съ убійствами въ придачу, официальными и неофициальными.

Сперва, конечно, пострадали всѣ крупные владѣльцы, затѣмъ средніе, потомъ очередь дошла до мелкихъ „буржуевъ“, и, въ концѣ концовъ, всякій имѣвшій хоть что-нибудь, неминуемо былъ обобранъ не имѣвшими или не умѣющими добыть ровно ничего. Дѣло подвигалось особенно быстро потому, что все награбленное, какъ даромъ доставшееся, не очень цѣнилось пріобрѣтателями и чрезвычайно быстро ликвидировалось, уничтожалось, а ненасытная потребность грабить искала новыхъ жертвъ...

Но вотъ пришло время, когда все или почти все было „чисто“. Публика успокоилась понемногу и наконецъ наступило отрезвленіе; а наступило оно, надо сказать правду, уже года 1½—2 назадъ, но ловкіе товарищи уже такъ прочно засѣли и вооружились настолько сильно, что прозѣвавшіе подъ шумокъ грабировки противники ихъ уже оказались безсильны и реакція выразилась въ видѣ отдѣльныхъ возстаній, возникавшихъ повсюду изъ за безчинствъ „продотрядовъ“, безжалостно отбиравшихъ все что находили: сѣмена, скотину, птицу и часто совсѣмъ неудобоваримое продовольствіе, какъ ковры, шубы, холсты и пр. Все награбленное продовольствіе валилось (и теперь продолжаетъ, навѣрное, вальтаться) въ склады, плохо приспособленные для этого, благодаря чему все: мясо, картошка, зерно — начинало гнить весьма скоро, такъ что за нѣскольکو верстъ легко было распознать мѣстонахожденіе и родъ „залежей“. Эта порча всего, добытаго крестьянскимъ трудомъ, порча

постоянная, повсемѣстная и точно преднамѣренная поселила въ сердца крестьянинау вѣренность, что коммунизмъ его злѣйшій врагъ; да оно такъ и есть: крестьянинъ, даже самый бѣдный — собственникъ, а коммунизмъ — врагъ собственности прежде всего. Въ результатъ опытовъ устройства коммунистическаго рая: стихійный голодъ, холодъ, полное разрушеніе всего, кромѣ голосовыхъ связокъ товарищей, все еще не уставшихъ орать опостылѣвшія назиданія измученной публикѣ о „300 лѣтнемъ кровавомъ кошмарѣ“ царскаго режима. Въ послѣднее время публика не свѣсняется, громко возражаетъ на собраніяхъ, но коммунисты и тутъ не теряются: объявляютъ собраніе закрытымъ, потому что де всѣ присутствующіе — контръ революціонеры и провокаторы. Въ первомъ они могутъ не сомнѣваться. Въ народѣ протесты выражаются въ видѣ убійствъ продработниковъ и прочихъ шкуродеровъ, особенно „жгучихъ“ брюнетовъ съ длинными носами и слишкомъ блестящими глазами. Всюду — молчаливая, упорная борьба, намѣренная порча всѣхъ коммунистическихъ предпріятій.

Теперь спрашивается, чего же хочетъ народъ? Въ чемъ видитъ онъ главную бѣду? Это легко услышать изъ устъ самого народа вездѣ и всюду въ Россіи: „Хозяина нѣтъ.“ Всѣ болѣе опытные, старые люди, много на своемъ вѣку видѣвшіе и долѣе всѣхъ терпѣвшіе ужасы „кроваваго режима“, всѣ какъ одинъ говорятъ (когда нѣтъ непосредственной опасности быть услышанными кѣмъ не слѣдуетъ, что, впрочемъ случается рѣдко): „Царя нужно.“ И никогда не слышишь пожеланій въ пользу республики, кромѣ правда пустословія зеленой молодежи, начитанной произведеніями агитационной литературы.

Вотъ это то желаніе имѣть Царя — Царя властнаго, а не куклу на тронѣ, ограниченную компаніей лицъ, наперерывъ старающихся стать поближе къ власти, — это желаніе, по моему, и заставляетъ терпѣть русскаго мужика такъ долго: медленно, но вѣрно, жертвуя сотнями тысячъ жизней, русскій народъ не даетъ ходу ни коммунѣ, ни республикѣ вообще, но, въ силу темноты своей не находитъ способа осуществить свою мечту.

Когда крестьяне той мѣстности, въ которой я жилъ въ послѣднее время, узнали, что я уѣзжаю за границу, они стали часто приходить ко мнѣ поговорить (всѣ они были старые знакомые и ничуть не стѣснялись говорить со мной откровенно) и особенно просили меня передать во всеуслышаніе эмиграціи, что „если только кто изъ Царствующаго Дома согласится идти царствовать, все будетъ покончено съ коммунистами въ недѣлю“, такъ какъ вся масса поднимется сразу, а съ ней ужъ не справиться будетъ товарищамъ, ибо и до сихъ поръ часто переходившія на сторону повстанцевъ красныя войска, теперь пойдутъ съ отцами и дѣдами. „Мы, говорили они, знаемъ всѣхъ ихъ, которые у насъ по деревнямъ работаютъ; всѣхъ порѣшимъ и на сѣмена не оставимъ, пускай и изъ нашихъ дѣтей — нехай пропадутъ, проклятые“.

Только крестьянамъ нужна цѣль впереди — простая и ясная для ихъ простаго ума; сложныя программы революціонныхъ партій имъ не по вкусу и не ждетъ отъ нихъ народъ мира и порядка“. „Какой тебѣ тутъ порядокъ, когда хозяевъ много, — всякъ про свое баетъ, а до насъ ему и дѣла нѣтъ“. Вотъ что я постоянно слышалъ отъ крестьянъ, какъ отъ зажиточныхъ (въ прошломъ разумѣтся), такъ и отъ бѣдняковъ.

Спасеніе Россіи возможно только при содѣйствіи и инициативѣ сильныхъ духомъ и обладающихъ знаніемъ и опытомъ сыновъ Россіи, большая часть которыхъ разсѣяна по чужбинѣ, и на коихъ теперь съ мольбой и надеждой устремлены взоры измученнаго и искупившаго страданіями свой грѣхъ народа.

Вотъ тѣ желанія и настроенія, о которыхъ я желалъ кое что сообщить вамъ господинъ редакторъ, а черезъ ваше посредство и русскимъ эмигрантамъ, согласно просьбы говорившихъ со мною крестьянъ, въ особенности монархистамъ, коимъ я могу сказать безъ всякаго лукавства отъ имени многихъ томящихся еще въ красномъ аду, что только они, монархисты, встрѣтятъ дѣйствительную, горячую и всенародную поддержку въ Россіи.

Пусть всѣ революціонныя партіи продолжаютъ ругаться со всѣми и между собою изъ за пустяковой разницы въ программѣ, тѣмъ хуже для нихъ, этимъ они еще болѣе отталкиваютъ отъ себя русскій народъ.

Сильнѣйшее религіозное движеніе, начавшееся въ послѣднее время въ Россіи и умѣло направляемое пастырями, многіе изъ коихъ суть бывшіе люди, посвятившіе себя служенію Церкви, еще болѣе поспособствуетъ дѣлу возстановленія Святой Руси, единственной мыслимой Россіи при современномъ настроеніи и умозрѣніи крестьянства и, къ счастью для будущей Россіи, многихъ ея вѣрныхъ сыновъ, желающихъ видѣть ее снова единой, великой и могучей во главѣ съ Державнымъ Вождемъ.

Г. фанъ Зонъ.

Картины съ Дальняго Востока.

I.

Маленкій эмигрантъ.

На берегу, синяго моря съ вѣчнымъ береговымъ прибоемъ, въ прелестной цвѣтущей Камакурѣ, стоялъ на пляжѣ этотъ коренастый загорѣлый мальчуганъ, сынъ русскаго офицера.

Онъ потрясалъ кулаченками, гордо сверкалъ большими карими глазами, А отъ него съ ревомъ удирало во всѣ стороны нѣсколько японскихъ мальчишекъ въ черныхъ съ бѣлыми крапинками кимоно, ловко вытаскивая изъ песка ноги въ деревянныхъ „гето“ (сандаляхъ).

„Я вамъ покажу меня дразнить, шушера несчастная . . . Еще не такъ изобью въ слѣдующій разъ. Ишь заладили — „баршевикъ, баршевикъ“, я вамъ не баршевикъ, а монархистъ, а мой папа бѣлогвардеецъ.“

Недалеко отъ него остановилась группа солидно прогуливающихъ взрослыхъ японцевъ. Переговорили между собой, глубоко втягивая въ себя воздухъ, посмотрѣли вслѣдъ удирающимъ японцамъ, потомъ на побѣдителя не особенно дружелюбно и стали медленно приближаться къ нему.

Стало жутко за маленькаго, отважнаго человѣчка . Но онъ увидя ихъ, началъ рѣшительно засучивать рукава своей вышитой крестиками по краямъ рубашенки: „Нука, кто еще со мной. Выходи ка . . . И-и-ихъ . . .“

Сощузивъ узкіе глаза, нѣсколько мгновений пристально всматривались японцы въ маленькаго забіяку, такого прелестнаго въ своей горячей вспыльчивости . . . Потомъ вдругъ заулыбались ласково и пошрительно:

— Самурай, самурай, разслышалъ только маленькій драчунъ изъ ихъ переговариванья.

Ну, Самурай — такъ и ладно, облегченно перевелъ онъ духъ, лихо подбоченившись — за самурая — аригато . . . А вашихъ сорванцовъ всетаки буду поколачивать, если не перестанутъ задираться . . .“

Изъ плетенной кабинки, наскоро одѣвшись, бѣжала его мать съ перепуганнымъ лицомъ. Онъ горделиво зашагалъ ей на встрѣчу, выпятивъ грудь и по военному маша руками: „Дразнятся, несчастные макаки, а какъ увидѣли, что я самъ съ усамъ, такъ самурай залопотали. Ну, я и простилъ ихъ на этотъ разъ . . . Пускай ужъ . . .“

Знойное солнце, согрѣвающее привѣтно крошечную страну маленькихъ людей и большаго синяго моря, ласково и насмѣшливо подмигивало съ неба отважному бойцу.

Мать уже тащила его къ дому, крѣпко схвативъ за руку. Чувствовала, какъ трепетала въ ея рукѣ нервно загорающая рученка сына . . .

И ей хотѣлось плакать и смѣяться.

II.

Тоска по родинѣ.

Дальній Востокъ . . . Маленькая, скромная русская церковь, гдѣ-то на самой окраинѣ шумнаго, крикливаго, международнаго города . . .

Построенная раньше для мѣстной небольшой русской колоніи, эта церковь теперь чуть ли не единственное мѣсто, гдѣ собираются по праздникамъ русскіе бѣженцы помолиться Богу . . . Помолиться объ окончаніи лихолѣтья, о возможности вернуться скорѣе на родину, въ свою Россію, съ воспоминаніемъ о которой связано столько мучительнаго, ужаснаго, но и самаго близкаго, дорогаго . . .

Душно и тѣсно въ церкви. Кротко и грустно смотреть на молящихся Богоматерь съ Христомъ на рукахъ. Стройно и согласно поютъ пѣвчіе, тоже все бѣженцы.

Но вотъ священникъ начинаетъ проповѣдь. Всѣ поддвигаются поближе, насколько возможно, чтобы не проронить ни слова изъ его рѣчи. Онъ недавно выбрался изъ совдепіи, онъ хочетъ подѣлиться своими впечатлѣніями . . .

И не гнѣвомъ, не местью звучатъ слова его при разсказѣ о нечеловѣческихъ издѣвательствахъ надъ Церковью и русскими людьми тамъ, а скорбью и тоской.

„Тамъ, въ далекой Россіи всѣ только и живутъ надеждой на скорый конецъ большевизма. И многіе уже, очень многіе тоскуютъ о Великой, Единой, Недѣлимой Россіи Во главѣ съ русскимъ царемъ,

Насколько безсознательно и стихійно это стремленіе, показываетъ слѣдующій случай:

Среди глубокой ночи, въ одномъ селеніи вдругъ раздаются мощные властные звуки колокола. Увѣренно и настойчиво врѣзываясь въ темноту ночи, эти звуки церковнаго колокола будятъ уснувшихъ тревожнымъ сномъ людей, зовутъ ихъ выйти на площадь. Всѣ вскакиваютъ, наскоро одѣвшись, высыпаютъ на улицу . . .

Господи, съ нами крестная сила . . . Что-то еще стряслось . . . Какой бѣды не хватало . . .

— Такъ дальше нельзя. Давайте избирать Царя. Намъ нуженъ Царь-Батюшка, слышится возбужденные голоса.

„Какъ. Что такое. Да можемъ ли мы такъ вдругъ сами, Да вѣдь еще, можетъ быть и нашъ Царь не убить, живъ . . .“

Вздрагивающіе голоса, встревоженные, истомленные лица. Всѣ стоятъ, къ чему то прислушиваются, расходятся неохотно и вяло.

И кажется имъ, что вотъ сейчасъ, тутъ же на мѣстѣ надо было рѣшить имъ какой то вопросъ, самый важный, но неясный, который все время гнететъ и мучаетъ.

Но вотъ всѣ разошлись . . . Снова наступаетъ тишина. Засыпаетъ село. А въ непроглядной тѣмѣ ночи какъ будто слышится еще гуденье стараго колокола . . . Жуткое и настойчивое . . .

Медленно расходятся послѣ окончанія службы русскіе бѣженцы по домамъ. Если такъ можно назвать тѣ убогія комнатенки, или углы отведенные въ какомъ нибудь общежитіи. Такъ много заботъ, огорченій, неудачъ и такъ мало радостей у каждаго изъ нихъ. Завтра утромъ — начало недѣли — начало цѣлаго ряда новыхъ мытарствъ въ поискахъ куска хлѣба для себя и семьи, такого труднаго на чужбинѣ . . . Унизительные отказы, голодныя, блѣдныя личики дѣтей, продажа послѣднихъ вещишекъ . . . Безнадежно . . .

Но вспоминается имъ разсказъ о томъ, какъ живутъ тамъ сейчасъ русскіе люди, затравленные, загнанные, лишенные всего, и ясно дѣлается, что несмотря на всѣ лишенія и невзгоды, все же у нихъ есть свобода, которой лишены наши близкіе въ далекой и загадочной совдепіи.

Е. Семчевская.

- 13/26 Срд. Св. муч. Карпа и Веніаміна діак. Преп. Никиты испов. —
Битва при Маломъ Ярославцѣ 1812 г. — Занятіе Тавриса 1827 г.
Каждому овощу свое время.
- 14/27 Чтв. Св. Муч. Назарія, преп. Параскевы, Николы Святоши, кн.
Чернигов., Печер. чудотв.
Ино отъ комара, да въ двѣ руки не отмашешься.
- 15/28 Птн. Преп. Евфимія Нового. Преп. Лукіана. † Св. Іоанна, еп.
Суздальск.
Пошла по масло, а въ печи погасло.

Къ свѣдѣнію г. г. подписчиковъ!

Издательство сообщаетъ, что оно переѣхало, по адресу:

BERLIN W. 62, Courbièrest. 16.

Verlag „Doppeladler“.

„ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЪ“.

Органъ Монархической мысли.

Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ — каждое 1/14 и 15/28 число.

Подписка принимается въ Редакціи журнала:

Berlin W. 62, Courbièrest. 16.

Въ виду затрудненій и хлопотъ съ переводами изъ заграницы подписной платы Издательство рекомендуетъ пересылать деньги въ заказныхъ письмахъ при требованіи на журналъ.

Условія подписки:

Въ Германіи, Австріи, Чехо-Славіи, Венгріи, Болгаріи, Румыніи и окраинныхъ государствахъ:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.
	10 марокъ	30 марокъ	60 марокъ.
Въ Юго-Славіи	12 герм. м.	34 герм. м.	65 герм. м.
Въ Турціи	18 „ „	50 „ „	90 „ „
Во Франціи и Бельгіи . . .	6 фр.	15 фр.	25 фр.
Въ Швейцаріи	2 шв. фр.	5 шв. фр.	9 шв. фр.
Въ Даніи, Швеціи и Норвегіи	2 кр.	5 кр.	9 кр.
Въ Англіи	2 шил.	5 шил.	9 шил.
Въ Америкѣ	15 герм. м.	42 герм. м.	80 герм. м.
Въ Италіи	6 лиръ	15 лиръ	25 лиръ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

на газету

„НОВОЕ ВРЕМЯ“

1 мѣс. 3 мѣс.

Въ предѣлахъ Королевства С. Х. С.	20 дин.	58 дин
Въ Чехословакии, Болгаріи, Румыніи (въ кронахъ левахъ и леяхъ)	40	115
Въ Германіи, Австріи и Венгріи (въ герм. мар.) . .	30 мар.	85 мар.
Во Франціи и др. странахъ	10 фр.	28 фр.

Подписка принимается не менѣе, чѣмъ на одинъ мѣсяць, съ
каждаго 1, 10 и 20 числа.

Въ виду затрудненій и хлопотъ съ переводами изъ заграницы
подписной платы Издательство рекомендуетъ пересылать деньги
въ заказныхъ писмахъ при требованіи на газету.

ТАРИФЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ.

На первой страницѣ за строку	10 дин.	или 4 фр.
На четвертой страницѣ	4 "	" 2 "
Предложенія труда (на 4-й стр.) за строку 3 "	" 1 "	50 с.
Справки (розыски родственниковъ и пр.) за 4 строки	10 "	" 4 "

За публикаціи, помѣщаемыя не менѣе 3 разъ — скидка 25 пр.;
многократныя — по соглашенію.

Редакція и контора: Belgrade, Кр. Наталіи 21.

Вышла изъ печати брошюра:

„Завоеванія революціи“

и идеологія русскаго монархизма.

Докладъ профессора Т. В. Локотя на сѣздѣ въ Рейхенгаллѣ.

Цѣна въ Германіи 2 мар. 50 пф.

„ въ Юго-Славіи 3 мар.

„ въ странахъ съ высокой валютой 5 мар.

Въ редакціи журнала „Двуглавый Орель“ (Berlin W. 62, Cour-
bièrestr. 16, продаются слѣдующія изданія:

1. „Двуглавый Орель“, Органъ монархической мысли. Цѣна
выпуска въ Германіи — 5 мар.

2. „Правда о Царской Семьѣ и темныхъ силахъ“ В. Руднева, то-
варища Прокурора Екатеринославскаго окружного суда, командирован-
наго министромъ юстиціи Керенскимъ въ чрезвычайную слѣдственную
комиссію по разсмотрѣнію злоупотребленій бывшихъ министровъ, главно-
управляющихъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ. Цѣна 3 мар.

3. „Лучъ Свѣта“ № 3 заключающій въ себѣ изслѣдованіе извѣст-
наго знатока іудейства С. А. Нилуса и тайные протоколы Собраній
Мудрецовъ Сіона. Цѣна 10 мар.